Виктория и Сергей Журавлевы

Ноктюрн на крови

Trendbooks / Трендбукс

Виктория и Сергей Журавлевы

Ноктюрн на крови

«Издательство CLEVER»
2026

Журавлевы В.

Ноктюрн на крови / В. Журавлевы — «Издательство CLEVER», 2026 — (Trendbooks / Трендбукс)

Захватывающий ретродетектив с невероятным сюжетом о расследовании запутанного дела от профессиональных историков. Вас ждет неожиданная развязка! «Ноктюрн на крови» – великолепно написанный исторический детектив, художественная литература для настоящих ценителей жанра. Запутанный сюжет, загадки, опасности и неожиданные повороты истории, а еще удивительно точно переданная атмосфера России XIX века позволят вам полностью погрузиться в чтение книги Trendbooks. О чем ретродетектив «Ноктюрн на крови»? Внезапная смерть Климента Зорина – «золотого голоса» Российской империи – будоражит светское общество. Слухи способны разрушить чью-то жизнь. Граф Реметьев и его молодая жена в числе тех, на кого пала тень подозрения. Они мечтали, что лето на подмосковной даче станет самым счастливым временем, но все рухнуло в одночасье. Чтобы спасти любимую, графу предстоит добраться до сути тайного сговора и бросить вызов влиятельным людям. Как случилось, что идиллия на лоне природы – с шампанским, земляникой и прогулками в сумерках – обернулась трагедией? И не пожалеет ли граф о своем решении идти до конца, когда правда всплывет наружу? «Ноктюрн на крови» – уникальный исторический роман Виктории и Сергея Журавлевых. Авторы этой книги для взрослых – специалисты по истории России конца XIX – начала XX века.

© Журавлевы В., 2026
© Издательство CLEVER, 2026

Содержание

Пролог 6
Часть первая 7
Глава I 7
Глава II 16
Глава III 26
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Виктория Журавлева, Сергей Журавлев
Ноктюрн на крови

© Виктория и Сергей Журавлевы, 2026
© ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2026

Пролог

Париж – прекрасное место для побега от самых тяжелых мыслей. Удивительно, но в этом шумном многолюдном городе можно жить вполне спокойной жизнью, что для меня теперь особенно важно, учитывая мои изрядно расшатанные нервы.

Кстати сказать, сейчас дело обстоит гораздо лучше, нежели еще год тому назад. Благодарить за это стоит доктора Анри Манье, довольно известного в кругах ценителей интроспекции[1]. Он очень заинтересовался моим случаем, и его лечение оказалось весьма эффективным, хотя и довольно простым: утром при пробуждении надлежало сесть за стол, взять бумагу, ручку, чернила – и писать. Писать о том, что тревожит, о чем мучительно и безостановочно размышляешь весь день. Измарав ежеутренние пять-шесть страниц, я спускаюсь к завтраку в ближайшую премилую ресторацию вымотанным и душевно опустошенным, но обычно уже к полудню чувствую себя вполне сносно, а порой так даже превосходно. Увы, к вечеру призраки прошлого вновь начинают кружить надо мной, и, забираясь под одеяло, я с нетерпением жду очередного утра, чтобы снова излить на бумагу то, что еще не написано, не высказано и не преодолено…

Исчерканные листы с каждым днем все плотнее заполняют собой неумолимо толстеющую синюю картонную папку с завязками. Я держу ее в запертом на ключ ящике старого дубового стола, в моей тесной комнате за дверью, затерянной в глубине полутемного коридора под самой крышей гостиницы, – подальше от чужих бесцеремонных глаз. Нет, время постороннего читателя еще не пришло… Грешен, иногда я с сомнением раздумываю, хватит ли у меня самого сил, чтобы перечитать все эти страницы с начала и до конца, всколыхнув в памяти те печальные события, которые в конечном итоге и привели меня сюда.

Париж, улица Сент-Оноре,
октябрь 1905 года

[1] Интроспекция (от лат. introspecto – «смотреть внутрь») – метод психологического исследования, который заключается в наблюдении собственных психических процессов без использования каких-либо инструментов или эталонов. *Здесь и далее примечания авторов.*

Часть первая

Глава I

Вечерний августовский воздух, наполненный ароматами хвои, полыни, тубероз и сигарного дыма, прорезал истошный женский крик.

Еще минуту назад на террасе белеющего в сумерках двухэтажного дома и в окружающем его старом саду слышался струнный квартет, звенели голоса гостей; услужливые официанты в накрахмаленных манишках, жилетах и черных сюртуках сновали с подносами среди дам в длинных пышных платьях и кавалеров в чинных фраках и мундирах; хлопали пробками пузатые бутылки, и шампанское с шипением наполняло высокие хрустальные бокалы; свистели и трещали шутихи, а бенгальские огни сверкали на тонких спицах, рассыпая вокруг снопы золотистых искр.

Теперь же все смешалось. Восторженная праздничная кутерьма разом оцепенела: после фальшивого глиссандо смолкла скрипка, прервали разговоры благодушные гости, замерли вальсирующие пары, остолбенели официанты, и только догорающие потешные свечи чуть поодаль еще фыркали огнем и серным дымом в обрушившейся на маленькую усадьбу вязкой тишине.

Крик повторился, но теперь он был немного тише.

– Клянусь Богом, это у Зориных! – среди сбившихся в кучу гостей раздался возглас седоусого осанистого полковника в изумрудном военном кителе.

Несколько человек, схватив кто свечу, кто керосиновую лампу, что было духу бросились через сад. Звук и вправду доносился из большого дома с колоннами по соседству, за деревьями и невысокой оградой. Распахнув калитку, устроенную в изгороди, мужчины ринулись в парк, окружавший усадьбу. Будто средневековые воины, пытающиеся взять штурмом нависающую над ними неприступную крепость с темными бойницами и зубчатыми парапетами, они взбежали по ступеням крыльца на террасу и замерли между колонн у входа в особняк.

В двери застучали кулаки, но пустой дом хранил молчание.

– Да тут не заперто! – воскликнул один из «наступающих», дернув на себя медную дверную ручку.

Передняя дома, а затем и вся усадьба наполнилась огнями. В тягучем янтарном пламени ламп и свечей показались комнаты с пухлыми приземистыми диванчиками и картинами в золоченых рамах на стенах, за ними – просторная зала с башенкой напольных часов в углу и лакированным черным роялем, исчезающая во тьме лестница, ведущая на второй этаж, узкий сумрачный коридор по пути в кабинет…

– Сюда, господа! Скорее сюда! – послышался голос одного из мужчин.

Все ринулись наверх, на зов, но на пороге кабинета, у растворенной двери, застыли на месте.

Тусклый колеблющийся свет озарил тяжелый резной стол, на нем – недопитую бутылку коньяка и исчерканные листы нотной бумаги. В углу – черное бархатное кресло с высокими

подлокотниками и глубоким подголовником, на кушетке – небрежно брошенная изящная семиструнная гитара с голубым бантом. С полок этажерки из мореного дуба к непрошеным гостям тянулись медные руки индийских божков, свисали набитые соломой и паклей чучела змей со стеклянными немигающими глазами, мутно поблескивали боками широкие банки с заспиртованными в них диковинными ящерицами и лягушками. На стенах комнаты висели круглые восточные щиты, изогнутые сабли и тяжелые алебарды, а из темного угла бездонными глазницами покатого шлема на нарушителей тишины взирал рыцарь-меченосец в полном германском рифленом доспехе.

Однако всеобщее внимание сейчас привлекло отнюдь не убранство кабинета: у стены, обхватив голову руками и чуть раскачиваясь из стороны в сторону, в беспамятстве стояла молодая женщина лет двадцати в кремовом бальном платье и перчатках. Чуть поодаль от нее в луже крови распластался одетый в черное человек с обезображенным лицом. Под его рукой лежало начищенное до блеска ружье с вороненым стволом и бурым ореховым прикладом.

Перед застывшими на пороге мужчинами тут же выросла крепкая фигура седого полковника.

– Назад, господа! Ни шагу далее, – остановил он вошедших выставленной вперед ладонью. – Теперь до приезда полиции здесь ничего нельзя касаться! Граф, уведите даму вниз! Бог мой, какой чудовищный конец… Несчастный молодой человек!..

Судебный следователь вызвал меня первым.

Полицейские уже оцепили дом и, несмотря на ночную темень на дворе, детально изучали место происшествия. Моих гостей отпускать было не велено, да они и сами, даже не случись подобного распоряжения, едва ли покинули бы мою усадьбу в такой обстановке. Именитый сосед, кабинет в крови, крик в ночи, приказы полицейских – все это разом пугало и будоражило их воображение, поэтому гости оживленно перешептывались внизу. И только я, теребя пуговицу фрака из английского сукна, понимал, что началось что-то необъяснимое, разрушительное и очень страшное: меня будто подхватило волной и быстро уносит от берега в самое нутро темного безжалостного моря.

Я сам предложил свой кабинет для проведения опроса, но сейчас почувствовал себя в нем совершенно чужим. Грузный усатый помощник следователя в черном мундире с серебряными пуговицами и плоской круглой шапке с кокардой разложил на моем столе свои бумаги, бесцеремонно сдвинув мой письменный прибор на самый край. Захар Афанасьевич, наш пожилой слуга, поднес секретарю стакан с чаем. Тот кивнул, рассеянно помешал в стакане ложкой, расплескав чай, и сделал глоток, а я в каком-то оцепенении, без единой мысли в голове глядел на круглый влажный отпечаток на лакированном дереве.

Худощавый следователь, одетый в такой же мундир, как и его подчиненный, стоял у окна, обращенного в сторону дома Зориных, и смотрел в темноту. Немного помедлив, он стянул с головы фуражку с зеленым околышем, кашлянул и повернулся.

– Какое необычное окончание воскресного вечера, не правда ли, ваше сиятельство? – с желчью в голосе заметил следователь, взглянув на меня.

Я не ответил. Столбом стоя на месте, я чувствовал, как мигрень будто огромными тисками сдавливает мою голову.

– Вы, ваше сиятельство, Алексей Петрович Реметьев, родственник графов Шереметевых, не так ли? – снова заговорил следователь, покручивая тонкий ус и глядя, как секретарь записывает мое имя вверху листа.

Чай для дознавателя стоял здесь же, на подносе, на моем столе, но тот и не взглянул на угощение. Я кивнул. Он нахмурил густые брови и вздохнул.

– Да, такие дела легкими не бывают…

Я не успел понять, сказал ли он это мне или себе, как следователь продолжил:

– Моя фамилия Разумовский. А вы, я так понимаю, сосед погибшего?

Я снова кивнул.

– Давно ли вы его знаете? – уточнил следователь.

– Пару месяцев, – выговорил я наконец, не узнав собственного голоса. – Мы ведь… Мы ведь приехали сюда только в начале лета…

– Имели ли вы знакомство с другими соседями? – перебил меня Разумовский.

– Тут все обычно друг с другом накоротке, – пожал я плечами.

– Значит, вы были близки с погибшим?

– Не особенно.

– Он был на вашем сегодняшнем торжестве?

– Нет, не был.

– Почему же? – удивился он.

Помедлив, я проговорил:

– Потому что я его не приглашал. Ни его, ни его жену…

Следователь искоса взглянул на меня:

– Расскажите нам, пожалуйста, побольше о вашей жизни здесь и о вашем соседе…

* * *

Мы с женой приехали из Москвы на Клязьму в самом начале лета 1902 года. Сезон еще только начался, но большая часть дач уже оказалась снятой: проведя осень, зиму и весну в духоте своих небольших городских особняков или арендованных апартаментов в доходных домах на Тверской, Пречистенке или в Замоскворечье, зажиточные семейства жаждали теперь вольготного загородного отдыха. И все же, несмотря на некоторые затруднения, нам удалось выбрать себе премилый, уютный и довольно просторный двухэтажный дом посреди старого, несколько запущенного сада.

Примечательно, что сад этот заинтересовал мою очаровательную жену даже более, чем сам дом. Едва успев спрыгнуть с подножки открытого экипажа, который привез нас в усадьбу, моя молодая супруга принялась порхать от кустов жасмина к еще не распустившимся розам и обратно, радуясь, как ребенок.

– Подумай только, Лёка, – приговаривала она, с наслаждением вдыхая аромат бело-золотистых цветов на только что сорванной ею тоненькой веточке жасмина, – мы сможем устроить роскошный праздник, и притом с самыми ничтожными затратами! Ах, здесь столько розовых кустов! Они отменно украсят дом! Сад в августе, я уверена, будет чрезвычайно живописен! Мы раскинем несколько шатров от солнца или непогоды – тут вполне достаточно места для этого – и сможем пригласить сюда всех, кого пожелаем…

– Лидинька, – улыбнулся я в ответ, расстегивая тугую пуговицу сюртука, – дорогая, я рассчитываю на твое благоразумие! Понимаю, первая годовщина со дня свадьбы – дело для тебя важное и очень романтичное, но зачем же такой размах?

– Ах, тебе бы все шутить, Лёка-лежебока! – Лидия ласково провела пальцами по моей гладко выбритой щеке и с озорством показала язык. – Разве ты еще не убедился в том, что я сама рассудительность? Заметь, ведь это была моя мысль – переехать сюда, а наш дом сдать внаймы! Так будет проще и с процентами по закладным расквитаться, и к торжеству подготовиться. Ведь нас едва ли кто-то поймет, если мы просто возьмем и откажемся от празднества! А здесь все будет мило и естественно, a la naturelle[2]. Да мы и сами преобразимся на лоне природы. Твои русые волосы выгорят под солнцем добела, как у настоящего крестьянина, а я стану распугивать светских модниц своим медным сельским загаром.

[2] В естественном виде *(франц.)*.

Если бы еще год назад кто-то сказал мне, что в этой тоненькой белокурой девятнадцатилетней девушке в бежевом кружевном платье и кокетливо сдвинутой набок шляпке скрывается великий эконом, счетовод и хозяйственник, я бы ни за что не поверил. Однако недолгое время нашей совместной жизни показало, что окончательный крах моих предпринимательских начинаний не может сломить дух этого юного и хрупкого, но, как обнаружилось, очень упрямого создания.

Увы, редакция созданного мною общественно-политического журнала просуществовала всего четыре месяца, расплатиться же с долгами я рассчитывал теперь лет эдак за пять-шесть. Между тем именно Лидия сумела привести наше расшатанное хозяйство, из которого после свадьбы принялись утекать немалые деньги, в относительный порядок: мой особняк в Зачатьевском переулке был заложен и сдан внаем некой состоятельной купеческой семье, а дача на реке Клязьме стала отличным решением для того, чтобы провести вступившее в свои законные права лето с удовольствием и пользой.

«Наконец-то ты сможешь отдохнуть и найти себе какое-то другое занятие! Написать, к примеру, свой роман», – приговаривала Лидинька, помогая мне готовить к переезду рабочие бумаги.

Свой роман… Я давно уже хотел написать книгу. Книгу о любви, о чистой, искренней любви со счастливым концом – о том, чего мне так не хватало до женитьбы на Лидии и что сейчас переполняло мою душу. Нет-нет, у меня и в мыслях не было в свои двадцать три года от роду пытаться переплюнуть великих мастеров прозы прошлого и сегодняшнего дня – велеречивых, многословных и назидательных! И все же мне было приятно слышать от жены подобные слова: чувствовать себя натурой творческой, ищущей неподдельной красоты и истины куда приятнее, чем по глупости разорившимся издателем никому не нужного журнала…

По нашему саду, подсвеченному косыми теплыми лучами утреннего солнца, во все концы разбегались узкие дорожки, у ворот высилась старая раскидистая сосна, источая по всей округе смолистый аромат, а чуть поодаль, среди зарослей, в которых заливался трелью невидимый мне соловей, на небольшом, вероятно, вручную насыпанном холмике белела уютная беседка.

Я снял черный цилиндр, вдохнул медово-пряный воздух полной грудью и подумал: «Если только лето не выдастся слишком дождливым, надо будет непременно поставить в этой беседке столик и работать прямо здесь, в уюте и спокойствии! Впервые за долгие годы! Пусть тут не будет городской суеты, извечной спешки, срочности, совершенно лишних и навязчивых гостей, никому не нужных приемов, пустопорожних разговоров, двусмысленных шуточек, гнусных намеков, колкостей, завуалированных под любезность… Решено! Эта дача станет необитаемым островом – для меня и моей жены…»

Оставив Лидию в саду, я вернулся к дому. У крыльца все еще стояла коляска, запряженная гнедой парой. Извозчик в синем кафтане заканчивал разгрузку нашего багажа. Последняя пара корзинок и шляпная картонка звучно плюхнулись на запыленные белые ступени деревянного крыльца.

Я снова надел цилиндр и шагнул к коляске. Извозчик, заметив меня, деловито отряхнулся и потер руки.

– Три с полтиной, барин, извольте-с. – Он стянул с головы свою плоскую шляпу с квадратной пряжкой на тулье и с поклоном протянул руку за платой. – И накинуть бы, конечно, как водится, – за труды-с… Разгрузить-с, погрузить-с…

– Три с полтиной, – ответил я, опуская руку в карман сюртука, – и я сделаю вид, что не слыхал звона разбившегося стекла, когда ты, прохвост, швырнул оземь вон ту корзинку!

Извозчик, получив деньги, покраснел, смущенно крякнул и, пробубнив что-то вроде «Много довольны вашей милостью», поспешил к своим лошадям. Судя по спешке, с которой он вскочил на козлы и, свистнув кнутом, покинул усадьбу, звон разбившегося стекла при перевозке наших вещей сам он слышал отнюдь не единожды.

Я глубоко вздохнул, потом махнул рукой, огляделся и с улыбкой взбежал на крыльцо. Однако перешагнуть порог дома не успел.

– Я пришел к тебе с приветом,
Рассказать, что солнце встало,
Что оно горячим светом
По листам затрепетало…

– разлился вдруг в воздухе легкий и звонкий мужской голос.

Пение доносилось откуда-то сбоку, из зарослей кустов; соловей в них сначала притих, будто от неожиданности и изумления, а затем, словно возмутившись присутствием постороннего сладкоголосого соперника и стремясь во что бы то ни стало заглушить его, принялся выводить свои рулады с утроенным усердием.

На дорожке, ведущей в сад, появилась Лидия. Она с лукавым удивлением на лице поднялась по ступеням крыльца, подошла ко мне и взяла под руку. Соперничество невидимого нам певца и соловья тем временем продолжалось:

– Рассказать, что лес проснулся,
Весь проснулся, веткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся
И весенней полон жаждой…

Мы с Лидинькой переглянулись. В ответ на немой вопрос в моих глазах она только пожала плечами и прыснула. Затем мы, не сговариваясь, кивнули друг другу и пошли на голос, который, будто насмехаясь над напрасными соловьиными стараниями, все продолжал свою песню.

Нам пришлось обойти дом и снова выйти к беседке. Поднявшись к ней и шагнув внутрь, мы огляделись по сторонам. Отсюда был виден соседский особняк за небольшой оградой. Больше и изящнее нашего, он казался тем не менее таким же потертым, обветшалым и неприбранным. На его крыльце стоял стройный молодой человек в черном фраке с длинными фалдами, брюках и белой сорочке.

Он пел. Это его голос мы слышали у своего дома. Я вздохнул: тишина и уединение, похоже, остались лишь в моих мечтах. Затем приобнял жену за талию, и мы продолжили слушать романс.

– Рассказать, что с той же страстью,
Как вчера, пришел я снова,
Что душа все так же счастью
И тебе служить готова…

– У него почему-то очень знакомое лицо, – озадаченно пробормотала себе под нос Лидия, премило прищуриваясь и пытаясь разглядеть певца получше.

– Быть может, он бывал на вечерах у Вигуржинских? – спросил я, переводя пасмурный взгляд с молодого человека на жену и обратно.

– Нет, – Лидинька покачала головой, – в доме у родителей я его не припоминаю… Но почему я его знаю? Вот чудно!

Торжественно, душевно и радостно лилась песня, и тенор со всей тщательностью довел ее до конца, даже заметив нас с женой, с удивлением и любопытством взиравших на него из беседки за оградой:

– Рассказать, что отовсюду
На меня весельем веет,
Что не знаю сам, что буду
Петь – но только песня зреет[3].

Наконец певец смолк. Лидинька захлопала в ладоши и шагнула на дорожку, ведущую к ограде. Опомнившись, я последовал за женой. Артист, делано изумившись нежданным слушателям, поклонился в нашу сторону, будто большому залу с театральных подмостков, а после легким шагом сбежал с крыльца и направился нам навстречу.

В ограде была устроена маленькая деревянная калитка, запертая на простую щеколду, которая крепилась с нашей стороны. Это не помешало незнакомцу: он просунул свою узкую руку с длинными пальцами между рейками и распахнул ее.

– Рад вас приветствовать, господа, – улыбнулся он. Его движения были чуть разболтанны, как обычно бывает у выпившего человека. – Вы, как я понимаю, наши новые соседи?

Перед нами стоял мужчина лет двадцати пяти – двадцати семи. Темные волосы незнакомца вились до самых плеч, спускаясь на тонкое сукно дорогого, но давно не чищенного фрака, а большие голубые глаза певца придавали его удлиненному тонкому лицу с короткой бородкой и аккуратно подстриженными усами какое-то комичное, щенячье выражение.

– Соседи, – ответил я, заметив, что Лидия украдкой изучает собеседника. – Нас привлек ваш голос… Прекрасный романс, позвольте заметить! И исполнен великолепно!

– Благодарю вас. – Незнакомец с улыбкой поклонился. – Небольшая утренняя репетиция… Надеюсь, я вас не потревожил?

– Ах, что вы! – воскликнула Лидия.

– Не беспокойтесь, – вымолвил я, покосившись на жену, и шагнул вперед, – совсем нет! Вы даже внесли дополнительную прелесть в это прекрасное утро.

– Что ж, я несказанно рад нашей встрече! – Сосед с восторгом хлопнул в ладоши, заглянув за мое плечо. – Тут, за городом, дышится свободнее, живется вольнее, тут меньше пустых условностей и оков жизни городского общества, и между людьми расстояние тоже становится короче. Поэтому позвольте не дожидаться официальных представлений и отрекомендоваться самолично: Климент Васильевич Зорин, певец. – И он снова церемонно поклонился нам.

Я услышал, как стоявшая за моей спиной Лидия едва слышно ойкнула.

– Очень приятно, – промолвил я, намереваясь представиться в ответ, но не успел: в это время на крыльце показалась стройная дама в темно-красном одеянии и в изящной соломенной шляпке с большими полями и перьями.

Опершись рукой на точеные каменные перила и оглядевшись, она несколько мгновений изучала нашу компанию через стекла приставленного к глазам лорнета на длинной тонкой ручке.

– А вот и моя жена, – протянул Зорин, увидев даму в красном. – Душа моя, мы здесь, – позвал он и махнул рукой.

Женщина сложила лорнет, отбросила со лба прядь темных вьющихся волос, подтянула черные кружевные перчатки, потом несколько нетвердой походкой спустилась по ступеням крыльца и подошла к нам.

– Любовь Павловна Зорина, моя супруга и блистательная актриса, – представил нам свою спутницу наш новый знакомый.

[3] «Я пришел к тебе с приветом…» – романс Н. А. Римского-Корсакова на стихи А. А. Фета.

Вблизи актриса оказалась дамой лет тридцати с тонкими, но жесткими чертами лица; она была одета в бордовое платье с узкой талией и открытым лифом, очень дорогое, но все-таки, на мой взгляд, не слишком подходящее для утреннего выхода к гостям в загородном доме.

Мы с Лидией с улыбкой кивнули ей. Зорина в ответ смерила нас проницательным взглядом. Ее лицо исказило подобие усмешки.

– Очень рад знакомству. – Я застегнул на животе сюртук. – Граф Алексей Петрович Реметьев. И моя жена, Лидия Андреевна.

Зорина с долей недоверия взглянула на меня, но в ее глазах сверкнул интерес. Улыбка ее разом стала куда милее.

– Ого! – воскликнул ее муж. – Граф, кажется, я недавно что-то слышал о вашей работе… Вы ведь литератор, не так ли?

– Да, был грех. – Я поморщился. – После Рождества я взялся было выпускать журнал, но в прошлом месяце решил все же закрыть мое горемычное издание.

– Точно-точно! – Зорин снова хлопнул в ладоши. – Помнится, вам вынесли предупреждение, да еще и начислили немалый штраф лишь за то, что вы напечатали у себя поздравление с именинами в адрес особы, принадлежащей к императорскому дому, без загодя полученного на то разрешения!

– Было и еще несколько, скажем так, замечаний, – неожиданно вставила Лидия, стоявшая теперь сбоку от меня.

– Да уж… – Я замялся, ибо взаимоотношения с цензурой – и это при совершенно лояльном настроении моего издания – оказались столь сложными и запутанными, что я не мог вспоминать об этом без содрогания.

Зорина с пониманием улыбнулась мне.

– Оставим этот разговор до вечера! – проговорила она густым контральто. – Вы, граф, ведь только приехали и наверняка устали с дороги! Позвольте нам пригласить вас с супругой сегодня на тихий соседский ужин.

– Верно, дорогая, – поддержал жену Зорин. – Добро пожаловать вечером к нам на скромную, можно сказать, камерную, трапезу! Прочь лишние условности, вымученные оковы этикета и натянутые постные физиономии! У нас тут все просто…

– Как замечательно! – воскликнула Лидия прежде, чем я успел вставить хоть слово. – Мы ведь и приехали сюда за свободой, тишиной и покоем! В городе так суетно…

– Это в Первопрестольной-то суетно? – скривилась Зорина. – Боюсь, я с вами не могу согласиться: пара сезонов в Петербурге показали мне, что такое всамделишные суета, шум и толпа. Москва же хоть и большая, но такая же тихая, как здешние усадьбы, и почти такая же скучная. Пожалуй, зря мой ненаглядный супруг купил этот дом! Причем не спросив меня! Летом здесь еще терпимо, а вот зимой уж точно невыносимая тоска!

– Вы полагаете? – удивилась Лидия.

– Уверена! – отрезала Зорина. – Однако все это мы, конечно, еще успеем обсудить, не правда ли? Очень надеюсь на нашу сегодняшнюю вечернюю встречу! А сейчас я сделаю то, зачем и вышла из дома: любезно, – Любовь Павловна, пусть и шутливо, сделала акцент на этом слове, – позову Климента Васильевича к завтраку, ибо в противном случае ему придется довольствоваться обедом часа эдак в четыре пополудни.

Произнеся это, актриса без всяких прощаний развернулась и пошла к дому. Зорин с немного виноватым выражением лица пожал плечами, поклонился нам с Лидией и последовал за женой.

– Какие занятные люди, – прошептала Лидия, глядя ему вслед.

Я нахмурился:

– Зорин… Гм, не припоминаю. А кто это?

– Ты что же, ничего не слышал о Клименте Зорине? – изумилась Лидия.

Я только развел руками.

– Ну что ты, Лёка! – Лидия даже будто немного рассердилась. – Как можно жить таким затворником и совсем ничем не интересоваться!

– А что такое? – Не ожидая от жены такого напора, я невольно отступил от нее на полшага.

– Это же известнейший оперный тенор Климент Зорин! Он служит в Большом императорском театре в Москве. Настоящий талант! О нем даже говорят, что он золотой голос Российской империи. Так и в газетах писали.

– А-а-а! – Я хлопнул себя по лбу. – Вспомнил! Это же о его публике писали: там попадаются совершенно экзальтированные девицы! Настолько, что могут при его появлении натурально упасть в обморок или же готовы в зимнюю стужу несколько часов кряду стоять у его парадного, лишь бы только съесть кусочек снега с отпечатком его калоши! Вот он каков, значит!

– Ну что за гадости такие ты говоришь, Лёка! – надулась Лидия. – И как тебе не стыдно! Если и есть излишне ретивые почитатели таланта, то при чем же здесь сам талант?

Я обнял жену, увлекая ее от уже запертой мною калитки в сторону нашего дома.

– Хорошо-хорошо, любимая Лидинька, не сердись на меня! Я просто надеялся на тишину, но с моими надеждами мне, видать, придется повременить…

– Зачем же сразу думать о людях плохо? – на ходу возразила мне Лидия, впрочем меняя свой гнев на милость. – На вид они очень милая пара. А как же любому музыканту без репетиций? К тому же мы ведь еще не знаем характеры остальных здешних обитателей.

– И все же громкоголосый певец и капризная актриса – едва ли подходящая компания для спокойного летнего отдыха молодой четы.

– Ах, граф, оставьте этот снобизм! Ваш титул еще не позволяет вам смотреть на всех свысока…

Увы, Лидия была права.

Быть представителем известного байстрюкского рода – честь, поверьте, довольно сомнительная. И хотя меня вполне благосклонно принимают в дворянском обществе и деликатно опускают глаза, делясь очередным светским анекдотом о каком-нибудь представителе рода графов Шереметевых, я всегда остро переживал традиционную для подобных случаев усеченность своей собственной фамилии. Побочный отпрыск известного знатного рода, потомок байстрюка, незаконнорожденного…

Справедливости ради замечу, что в отношении моего предка породивший его граф Шереметев был весьма благорасположен. Правда, матери, даме высшего света, ее незаконнорожденный сын, мой дед, никогда не был представлен, и потому имя ее так и осталось для всех нас, потомков, неизвестным. Однако воспитание, титул и очень достойное содержание этой боковой ветви своего рода старый граф Шереметев все же обеспечил. Поэтому ни дед мой, ни мои родители каких-то затруднений в своей жизни не испытывали, но и богатств особых не нажили. Когда пришла моя пора вступать во взрослую жизнь, мне пришлось учиться сокращать излишние траты в довольно большом хозяйстве и упрямо сводить концы с концами.

Женитьба на Лидии стала вызовом сложившимся обстоятельствам. Мы с нею были друзьями детства, поэтому наше бракосочетание никого в обществе не удивило, но и достатка нам не принесло: род Вигуржинских тоже заметно обеднел в последние десятилетия. Отец Лидии, как и я, был занят поддержанием внешне благополучного образа своей фамилии, но достигал он этого, закладывая и перезакладывая имение, городскую усадьбу и прочее имущество, опутывая семейство клубком неисполнимых обязательств, грабительских процентов и за бесценок проданных векселей на кругленькие суммы.

И все же женитьба казалась нам с Лидией счастливейшим изменением нашей жизни. Моя жена отличалась веселым нравом, была непритязательной, всегда готовой поддержать меня, да

и любого, кому понадобилась бы ее помощь. Она не требовала ни дорогостоящих приемов, ни роскошных подарков, ни ложи в театре, сама предложила поправить наши дела переездом в эту скромную усадьбу и была готова на тихую сельскую жизнь подмосковных дачников. За это я ее и ценил. Впрочем, нет. Я просто ее любил. Любил смотреть, как она сидит у окна и вышивает, любовался найденными засушенными цветами, которыми она закладывала страницы с понравившимися ей стихотворениями в томиках Алексея Николаевича Апухтина или Афанасия Афанасьевича Фета, любил смотреть, как она примеряет у модистки шляпки, прежде чем попросить меня купить ей одну из них. Она была чрезвычайно мила и добра, и мне не нужно было ничего более…

В передней с уже дымящимся самоваром в руках нас встретил седобородый, но еще статный и крепкий старик пятидесяти лет в длинной алой ливрее. Захар Афанасьевич был нашим единственным слугой и поваром, приехавшим с нами на дачу. Я знал его столько, сколько помнил самого себя: он воспитывал меня с самого младенчества. Его жена Марфа была моей кормилицей. Их сын умер сразу после рождения, отец принял Марфу и Захара в свой дом в качестве кормилицы и дядьки-камердинера, и они одарили меня лаской и вниманием, каких не всегда могут дать даже самые родные люди. Лет десять назад нянюшка Марфа отошла в мир иной, в один год с моим родителем, и Захар Афанасьевич, хотя сам несказанно скорбел о безутешной потере, приложил все силы на устройство моей еще толком не устоявшейся, молодой и нерадивой жизни. Именно его я должен был благодарить, что окончательно не растранжирил и без того скудное наследство в первый же год после его получения. Он крепко вел хозяйство, да и все мои дела в придачу.

Захар Афанасьевич прекрасно управился со сбором наших московских пожитков и сейчас так же деловито занимался обустройством на новом месте. Жену мою он ни о чем не спрашивал: Лидия полностью доверяла ему и никогда не перечила, ибо мои вкусы и привычки он знал лучше меня самого. Поэтому за завершение переезда я был спокоен и, войдя в дом и оставив жену хлопотать над утренним чаем, поднялся наверх, где в мезонине теперь располагался мой кабинет.

Сев за большой дубовый стол, я с наслаждением ощутил под ладонями теплое дерево. Бьющий из окна свет заливал комнату, но темная мебель все равно придавала ей какую-то загадочную мрачность. Это вдохновляло. На столе уже красовался мой любимый письменный прибор – две серебряные чернильницы на малахитовом ложе, – увенчанный посередине изящным изваянием – головкой прелестной девушки. Протянув руку, я взял из ящичка сбоку от прибора белоснежный лист бумаги и положил его перед собой.

Готовый окунуться в сплетения слов, еще не зная ни сюжета, ни формы, ни жанра того, что хотел бы записать на этой бумаге, я откинул крышку чернильницы, ухватил поудобнее серебряную ручку пера и обмакнул его стальной кончик в чернила.

Глава II

Несмотря на некоторое любопытство, я не особенно стремился на вечер к Зориным. Здешняя публика мало интересовала меня: я приехал для уединения, и мне претило сразу же погружаться в водоворот знакомств, пустой болтовни и грубых дачных развлечений, к коим я относил неизменные в таких случаях карты и пьянство. Поэтому, поднявшись после вечернего чая в кабинет и снова устроившись в старом кресле, обтянутом потертым желтым бархатом, я сделал вид, что опять собираюсь писать: разложил листы бумаги, проверил перья и чернильницу, которую следовало бы основательно почистить, ибо мелкие мошки уже успели облюбовать ее, – к сожалению, я оставил серебряную крышечку небрежно открытою.

В эту минуту в кабинет заглянула жена.

– Ты так и не расстался с этим антиквариатом? – улыбнулась она, указывая на мой домашний сюртук. – А я-то думала, что это ты должен мучительно долго ждать, пока все детали моего туалета будут в идеальном порядке!

Я поморщился:

– Как-то я не тороплюсь к нашим новым знакомцам…

Закутанная в тонкую лиловую шаль Лидия, приблизившись, вспорхнула на подлокотник моего кресла и заглянула в лежавший передо мной чистый лист.

– Ну что же, по крайней мере приливом вдохновения ты свое отсутствие не оправдаешь. – Она обхватила меня за шею и поцеловала в щеку. – Лёка, у тебя есть четверть часа!

– Лидинька, зачем же мы приехали сюда из Москвы? Чтобы снова тратить время на бестолковые посиделки у совершенно незнакомых людей?

– А зачем же ты тогда принял их приглашение? – улыбнулась мне в ответ жена.

Сбросив шаль, она вскочила и принялась кружиться по комнате, показывая мне свой наряд и не забывая краем глаза любоваться на собственное отражение в зеркале, висевшем на стене у входа.

– Ну же, что скажешь?

– Ты прекрасна, как и всегда, – ответил я. – Только откуда эти странные сочетания цветов?

И вправду, Лидинькино платье было из какой-то тонкой, сиреневой, почти насквозь просвечивающей ткани, нижняя же юбка и лиф были из плотного бархата малахитового цвета. Воздушные воланы рукавов подчеркивали тонкую талию, перевязанную темно-лиловым поясом.

– Что ты, – возразила Лидия, – нынче в Москве это последний крик моды. Разве ты не помнишь актрису Надежду Забелу-Врубель в Мамонтовской опере? Ну вспомни, мы видели ее в «Царской невесте»[4] в прошлом году! Правда, очень мистические оттенки?

– Да, очень красиво, – с сомнением в голосе отозвался я, – хоть и непривычно, что нижние юбки просвечивают сквозь верхние…

[4] «Царская невеста» – опера Н. А. Римского-Корсакова по драме Л. А. Мея.

– Зато как играют цвета! Нет, ты решительно ничего не понимаешь! Между прочим, эскизы платьев Забелы делает ее муж.

– Врубель?[5] Неудивительно: он на хорошем счету у Мамонтова[6], почему бы ему не придумывать костюмы для его труппы?.. Или ты намекаешь, что согласишься носить то, что нарисую я? – Поднявшись, я подошел к Лидии и обнял ее за талию.

В зеркальном отражении мелькнул ее смешливый взгляд.

– Хороша бы я была, ничего не скажешь! Под стать твоей древней архитектуре. – И она принялась стягивать с меня мой домашний сюртук. – И накладной воротничок я тебе тоже подберу – тот, элегантный, из тонкого хлопка, в английском стиле, помнишь? Из тех, что я тебе заказывала весной.

– Оставь! Это смешно! Ты думаешь, гости там будут исключительно в бархатных фраках?

– Откуда ты знаешь местное общество? А Зорин – он же и вовсе почти легенда! Это тебе не какой-нибудь мещанин, что привычно спешит из конторы на дачу – к своему скучному семейству! Нам очень повезло со столь необычным соседством!

Я придерживался другого мнения, но спорить о Зорине больше не собирался. Расцеловав Лидию в нежную шею, я заставил себя выполнить ее просьбу и все-таки привел себя в надлежащий вид. Приближающийся вечер пугал меня скукой, неловкостью и пустопорожними разговорами. Но отказываться от первого приглашения не позволяло воспитание и трезвый расчет: с соседями следовало наладить отношения.

Через полчаса мы спустились с крыльца, миновали тенистую аллею, вышли за ворота и направились пешком по протертой в две колеи пыльной дороге в сторону дома Зориных.

Конечно, мы могли бы сократить наш путь втрое, пройдя по садовой дорожке через уже знакомую нам калитку, но в нынешних обстоятельствах сделать это было как-то неловко. Да и вечерняя прохлада располагала к неспешным прогулкам. Клонящееся к горизонту солнце освещало золотые облака, и ласточки, взвиваясь и ловя на лету мух и комаров, пронзали над нами небо своими тонкими стремительными телами.

В первые минуты крахмальный воротничок не давал мне до конца ощутить всю прелесть нашей прогулки, но запахи трав приятно щекотали ноздри, а выбившийся из прически локон Лидии так маняще развевался на ветру, что мне хотелось, забыв обо всем, любоваться на него бесконечно. В душе нарастало чувство благодарности Богу, судьбе, жене и вообще всему сущему. Кому-то для этого потребен храм, кто-то, верно, испытывает что-то подобное, поднимаясь на высокую гору и видя расстилающийся внизу бескрайний океан. Мне же было достаточно чувствовать кожей летнее тепло, видеть любимую женщину, голубые колокольчики в траве по краям пустой сельской дороги, освещенной косым солнечным светом, да внезапный нырок ласточки, которая не побоялась пролететь на расстоянии сажени от моего плеча в погоне за толстым обреченным шмелем…

Наконец мы подошли к воротам усадьбы Зориных и остановились. На одном из беленых воротных столбов была прикручена медная львиная голова с зажатым в пасти небольшим колоколом. Рдяная колокольная юбка, начищенная так, что в ней, как в зеркале, можно было рассматривать свое отражение, огнем горела на вечернем солнце.

Решетчатые створки ворот были распахнуты, но Лидия не удержалась и, состроив очаровательную озорную гримаску, дернула веревку, привязанную к колокольному языку. Колокол надтреснуто звякнул. Сделав несколько шагов по заросшей аллее в направлении господского дома, мы увидели спешившего к нам лакея. Он был в новенькой, с иголочки, ливрее, выделяясь на фоне окружавшего его пейзажа.

---

[5] М. А. Врубель (1856–1910) – русский художник, мастер монументальных росписей, станковых картин, театральных декораций и портретов.

[6] С. И. Мамонтов (1841–1918) – известный русский предприниматель и меценат.

– Милости просим, господа! Сюда, прошу вас… – Слуга с поклоном приветствовал нас с Лидией. – Добро пожаловать в усадьбу!

Усадьбой лакей называл просторный белый каменный дворянский дом, который мы уже видели утром, но с другой стороны и издалека. Теперь же хорошо различимые вблизи ветхие серые наличники с облупившейся краской, позеленевшие металлические ручки дверей и вялые цветки герани в старых горшках за стеклами окон свидетельствовали о том, что усадьба в довольно запущенном состоянии, хотя едва ли этому строению было более трех десятков лет. Видимо, прежние хозяева продали все имение за ненадобностью или ради погашения долгов, а новый владелец, скорее всего из купцов, поделил его заборами на участки, наскоро выстроил на них двухэтажные особнячки, сдаваемые под дачи, в одном из которых и обосновались на лето мы с Лидией. Строили их по модным и, видимо, дорогим архитектурными проектам, но явно не для себя: не было в них той солидности, которая присуща родовым имениям, передающимся из поколения в поколение. Дорогие и красивые дачи напрокат, не более… Только в центре жалкого огрызка старого парка, напоминая о лучших временах старинной фамилии, еще высился кажущийся безнадзорным большой дворянский дом, который ради купеческой прибыли теперь был продан именитому покупателю.

Чуть в стороне от крыльца, рядом с цветущей калиной, стояли столы: темный деревянный, который, скорее всего, оставался тут, в тени куста, всегда, не покидая своего поста даже зимой, и два небольших плетеных столика немного поодаль, на солнце, в окружении таких же плетеных кресел. На одном располагались разновеликие бутылки: их было так много и содержимое их столь насыщенно светилось разными оттенками, что я невольно провел языком по пересохшему небу. Что ж, в сельской местности даже в напитках есть своя прелесть! Это не шипящее на языке, бьющее в нос и перехватывающее горло шампанское, способное поставить вас в неудобное положение перед сотрапезниками! Темные тягучие наливки или терпкие рябиновые и ежевичные настойки вполне могут возбудить аппетит даже у самых взыскательных натур! А какие квасы: мятный, сахарный, лимонный с изюмом! На втором же столике стояла ваза с фруктами и блюда с пирожными и миндальным печеньем, вокруг уже кружило несколько сонных тяжелых пчел.

– Добрый вечер, ваше сиятельство, – услышал я мягкий приветливый тенор. – Очень рад, очень рад!

Недалеко от нас в ветвях низкорослой крепкой яблони я увидел со скрипом покачивающийся гамак, из которого спешно выкарабкивался Климент Зорин. Я натужно улыбнулся. Одержав верх в противоборстве с гамаком, Зорин наконец подошел к нам и рукой, обтянутой белоснежной лайковой перчаткой, приподнял над головой свой цилиндр. Одет он был в концертный бархатный фрак с длинными фалдами и сильно завышенной талией.

Это несколько смутило нас с Лидией.

– Любовь Павловна попросила исполнить для гостей, – сказал Зорин, заметив наши удивленные взгляды, – что-нибудь приличное, и мне пришла в голову мысль поработать над сценическим костюмом. Незамысловато, но эффектно, не правда ли? – И Климент с поклоном поцеловал протянутую ему Лидией руку. – Графиня, позвольте мне выразить восхищение изысканностью вашего наряда!

Тонкие нервные губы Зорина подрагивали, и было неясно, усмехается он или просто смущенно улыбается. Да и глаза его напоминали моего спаниеля Джека, который жил в нашем доме, когда я был ребенком. Пес всегда так выразительно смотрел на любого, переступавшего наш порог, что нередко после маялся животом от той горы лакомств, которую ему удавалось выпросить…

«Обладателю таких глаз чрезвычайно везет, – почему-то подумал я, глядя на покрасневшую от удовольствия Лидию. – Им доверяют абсолютно и безоговорочно…»

Зорин указал рукой на стол с наливками:

– Не желаете выкушать чего-нибудь, ваше сиятельство? У нас все здесь по-простому…

– Если так, Климент Васильевич, – с усмешкой прервал я его, – это ваше обращение излишне. Предлагаю обходиться без титулов.

– Вот и замечательно, – отозвался Зорин, – тем более ни я, ни кто-либо в округе таковых не носит. Двадцатый век на дворе!

– Мы сегодня у вас первые гости? – улыбнулась Лидия.

– Четверть часа тому назад приехал купец первой гильдии Курепов с супругой, – ответил Климент, – и Любовь Павловна увела их смотреть наши оливы. Курепова захотела устроить у себя что-то подобное и теперь интересуется сортом. Ведь все-таки здесь не Италия!

Мы с Лидией взяли из рук Зорина по бокалу с малиновой настойкой.

– Да, я видел пару этих деревьев и на своей земле. Они прекрасно себя чувствуют, хотя явно давно заброшены. Интересно, как все тут выглядело лет двадцать-тридцать назад? – Я представил просторный ухоженный сад в английском стиле, с продуманным рельефом, дорожками, чистыми прудами, миниатюрными водопадами и гротами, еще не обезображенный разделяющими поместье оградами, калитками и домами, втиснутыми на освобожденные от старых благородных деревьев пятачки.

– Вы не думали нанять садовника? – спросила Лидия, оглядывая сад.

– Садовника? – поморщился Климент. – У нас пара лакеев и кухарка, и то мы приглашаем их лишь по мере надобности. А то слишком суетно становится в доме!

– Мы можем порекомендовать вам своего садовника, – продолжила назидательным тоном Лидия. – Он довольно быстро привел все в порядок еще до нашего приезда. Теперь можно наслаждаться запахом жасминовых цветов, не боясь свалиться в крапиву…

– А мне, знаете ли, нравится наслаждаться не только жасмином, – обезоруживающе рассмеялся в ответ Зорин. – Вот тут, на углу дома, как раз отличные заросли крапивы, и когда солнце припекает, запах не менее отчетлив: этакая смесь железа и запекшейся крови. И листья, кажущиеся бархатными… Этим темным изумрудным оттенком тоже вполне можно любоваться!

– Вы мастерски умеете находить удовольствие во всем, что есть вокруг вас, – восхитилась Лидия.

– Только в том, в чем хочу, – отчеканил Климент. – Мне неинтересны вкусы других: слишком много навязчивости. – Он потянул носом воздух. – Тот же жасмин приторно-сладок! Занесите его в комнату, и через четверть часа у вас голова будет раскалываться от боли. А сад… Я не привык ни к туберозам, ни к этим, прости господи, северным оливам. В моем детстве пруд с высокими зарослями камышей и рогоза – вот самое уютное и живописное место! И ивы… Здесь невдалеке есть похожий! С маленькой прелестной купальней на берегу… Мой отец никогда бы не полез в крапиву вытаскивать меня, сорванца, из такого убежища! Нет, садовник наведет здесь только уныние. Даже если это уныние будет изящным.

Лидия поджала губы и посмотрела за ограду, где светились пушистыми тонкими лепестками белые туберозы. Теперь, кажется, и ей уже не казалась достойной работа нашего садовника.

– И вправду, милые дамы, оливы здесь восхитительные, – послышался у нас за спинами густой низкий голос.

Мы втроем обернулись. Голос принадлежал бородатому купцу – плотному и широкоплечему. Он поддерживал под руки двух своих спутниц: уже знакомую нам Любовь Павловну Зорину и высокую дородную женщину в кремовом платье и кружевной шали. Купцу на вид было лет сорок пять. Накрахмаленная рубашка с трудом застегивалась на его груди, а из кармана жилета, надетого под лиловый сюртук, свисали тяжелые звенья золотой цепочки карманных часов.

Зорина поспешила познакомить нас:

– Граф, позвольте представить вам Порфирия Антоновича Курепова и его супругу, Алевтину Пахомовну! Лучшие люди нашего уезда!

– Ну уж, матушка, не переусердствуйте, – шутя осадил ее Курепов и кивнул нам с Лидией. – Я только что узнал о вашем приезде, граф. Этим летом у нас тут не дачи, а просто какие-то Карловы Вары! Целый сонм именитых гостей! Как вам наши места?

– После города – очень тихо и спокойно, – проговорил я.

– А вот по этому поводу не стоит особо обольщаться, – несколько бесцеремонно рассмеялся купец. – В этом году здесь бурлит жизнь и иногда бывает весьма шумно. Вот давеча…

– Ну что вы, Порфирий Антонович, почтенному графу нелицеприятности всякие начинаете сразу рассказывать, – обронила его жена; отстранив мужа, она потянулась к столику с фруктами и принялась наполнять тонкое фарфоровое блюдечко крупными ягодами клубники. – Здесь, ваше сиятельство, в прошлые годы было чрезвычайно скучно: карты, заезжие офицерики, несколько скандальных адюльтеров… Все это навевало лишь уныние. Нынче же все изменилось: появление Климента Васильевича и Любови Павловны сделало это место раем для людей достойных, утонченных. А когда пошли слухи, что вы приедете в этот чудеснейший дом по соседству… Думаю, в следующем году цены на дома тут взлетят неимоверно. – Купчиха откусила ровными белыми зубами половину крупной ягоды, и воздух наполнился сладким клубничным ароматом.

Зорин поднес бокал Курепову, тот с удовольствием пригубил темную рубиновую жидкость.

– Да, – причмокнул купец, – я не прогадал, когда приобрел за сущие гроши усадебку и несколько десятин по соседству. Хотя вот это поместье, – он кивнул на дом Зорина, – мне и не досталось. Наш любезный хозяин наповал перебил мою ставку на торгах.

– И поделом вам, – хихикнул Зорин и подмигнул нам с Лидией.

– Вы, Климент Васильевич, уже успели здесь пожить, освоиться, – прищурился Курепов, – оценить, что тут да как. Может, теперь все же передумаете?

– Исключено! – мотнул головой певец.

– Отсюда же и до города далеко добираться…

– Вовсе нет! На автомобиле всего часа полтора.

– А-а-а, я и забыл про эту вашу адскую машину!

– Ваше степенство! – Климент поднял палец. – За такими механизмами, как мой Benz Phaeton, само будущее! Ведь почти двадцать верст в час!

– Ай, смрадная таратайка, одно слово! Но все же, – продолжил уговоры купец, – тут скучновато, наверное, вам с супругой, и удобств немного. Не хотите уступить мне поместьице?

– Мне и самому здесь очень нравится! Я умышленно забрался подальше от Петербурга, Москвы и тамошней полусумасшедшей публики! Да и зачем вам мое секретное гнездышко? Тут я хоть ненадолго могу спрятаться от этого ненормального мира!

– Репутация, Климент Васильевич, весомость. О человеке судят по платью и дому. А уважение укрепляет положение. Уж я бы отстроился тут!

– Только через мой труп. – Зорин с ухмылкой поводил пальцем перед носом купца. – Довольно будет ваших усадеб в Москве, Коломне, Ярославле и Костроме. У вас к тому же и тут дом имеется!

– Ну, голубчик, через труп так через труп, тут уж как изволите. – Курепов расплылся в улыбке, показав всем присутствующим крепкие крупные зубы. – Впрочем, верно! Ваше сиятельство, – он повернулся ко мне, – мы с супругой живем в двух верстах отсюда, за селом. Наш дом там всякий знает – мимо не проедете! Так заезжайте в любое время потрапезничать да в картишки перекинуться!

– Благодарю… – протянул я.

– Вы ведь играете в вист или в фараон[7]?

– Увы, я немного понимаю в картах.

Курепов недовольно поджал губы:

– Ай, как скверно!.. Ну да ладно! Вот из Климента Васильевича тоже игрок так себе, но порой и он нам компанию составляет. Что ж, тогда, как и обычно, надежда только на уважаемого Ивана Семеновича!

– На кого? – переспросил я.

– На полковника Гришанова, – пояснил купец. – Вы еще не знакомы с ним?

– Не имел чести, – снова расстроил я Курепова.

– О, это интереснейший человек, – вмешалась в нашу беседу Зорина. – Ему немало лет, но он разом отважен, решителен, рассудителен и почти по-юношески страстен, когда дело касается того, что ему дорого! Он должен быть у нас сегодня и, видимо, появится, как всегда, по-военному точно, ровно в семь вечера…

Действительно, ровно в семь в просторной зале большого дома четы Зориных, куда перешла вся наша компания, появился невысокий пожилой мужчина в зеленом мундире – полковник в отставке Иван Семенович Гришанов. Несмотря на рост и возраст – ему на вид было около шестидесяти пяти лет, – он был крепок и осанист; особую примечательность его лицу добавляли пышные и пушистые седые усы.

Почти сразу за ним в залу вошел грузинский дворянчик в черном щегольском костюме-тройке. Он был молод – вряд ли более восемнадцати лет, невысок, худощав, темноволос и усат, с большими карими глазами и характерным профилем, присущим уроженцам Кавказских гор. В руках он нес кучу перевязанных атласными лентами свертков со сластями.

Увидев нас с Лидией, молодой человек приблизился и щелкнул каблуком.

– Князь Гугунава, – представил его нам полковник Гришанов.

– Гостинцы для ваших восхитительных спутниц, – пояснил князь густым голосом с хорошо различимым грузинским акцентом.

Он принялся было собственноручно одарять заулыбавшихся и зардевшихся дам, но вдруг, сделав неверный шаг, задел плечом Зорина, в эту секунду увлеченно разглядывавшего через узкое горлышко бутылки ее дно. От столкновения пирамида свертков в руках князя закачалась. Полковник Гришанов, держа в правой руке бокал коньяка, попытался левой спасти положение, но замешкался, и гора подарков посыпалась на пол. От удара о натертый воском паркет один из свертков лопнул, и из него во все стороны, как крупные водяные капли, брызнули округлые голубые драже монпансье.

Лидия и Зорина разом ахнули.

– Какая жалость, Леон Давыдович, – обронил Клим, отвлекшись от бутылки. – Искусством жонглера вы нас сегодня явно не порадуете.

– Пусть я и не всегда ловок, – попытался улыбнуться дворянчик, густо покраснев, – но, к счастью, запаслив. Я знаю, дамы обожают сласти, поэтому у меня тут для всех хватит! Даже для вас…

– Благодарю покорно, я не ем сладкого. Но гостей своих и без посторонней помощи кормлю досыта и пою допьяна. Вам ли не знать? – хмыкнул Зорин и отвернулся.

Юноша вспыхнул, но промолчал и только всадил певцу в спину испепеляющий взгляд. Он подошел к нам с Гришановым, покручивая тонкий черный ус. И, стараясь, по-видимому, разрядить обстановку, сразу же поведал нам какую-то «чрезвычайно занимательную» историю, соль которой я, увы, так и не распробовал. Не смутившись тому и рассмеявшись собственному же анекдоту, Гугунава покинул нас и направился к купцу Курепову, принявшись острить и пересмеиваться уже с ним.

---

[7] Вист и фараон (штосс) – азартные карточные игры.

Вошли слуги с блюдами в руках. Сперва подали пылающие жаром щи и маленькие пирожки с мясной начинкой, затем индейку с лимоном и рябчиков в пармезане с каштанами; к этому великолепию добавили отличное красное вино, коньяк и несколько бутылок «Вдовы Клико»[8].

Это сразу всех приободрило. Мы резво расположились за длинным обеденным столом, покрытым белоснежной кружевной скатертью. Климент, до этого пребывавший в какой-то странной рассеянности, теперь принялся собственноручно разливать гостям шампанское, с детской наивностью радуясь бурно извергавшейся из бокалов пене.

Шампанское всегда вызывало у меня изжогу, и потому после восхитительного ужина я предпочел ему прекрасный грузинский коньяк, за который мы вместе с Куреповым и приняли, перейдя за ломберный столик, обтянутый изумрудным сукном. Дамы теперь со смехом о чем-то судачили у темневшего в углу залы лакированного рояля. Гугунава с бокалом в руке вышагивал по комнате, то с напускным безразличием разглядывая белоснежную лепнину на ее бежевых стенах и писанные маслом пейзажи в золоченых рамах, то бросая на дам жгучие взоры. Полковник же пересел в кресло у раскрытого окна и флегматично дымил сигарой.

Вскоре Гугунава присоединился к нам с Куреповым, а затем явился и Зорин. Подсев к столику, он некоторое время безучастно слушал нашу неторопливую беседу о хорошей выпивке, о яствах московских дорогих ресторанов, об охоте и достойном охотничьем снаряжении, о торговле пушниной и салом да о ценах на квартиры, дома и усадьбы. Затем, тряхнув небрежно растрепанными волосами, Климент вздохнул и поправил галстук-бабочку, которая съехала набок.

С гримасой недовольства на лице певец отставил прочь свой высокий тонкий фужер с шампанским и до краев наполнил чистый пузатый бокал темно-золотистым коньяком.

– Представьте, господа, – высадив за один прием сразу полбокала, Зорин вмешался в нашу беседу, – мне сегодня пришел в голову один необычный мотив. Я напевал его весь день, а потом сел за рояль и даже попытался набросать в нотной тетради несколько музыкальных фраз…

– И что же у вас получилось? – осведомился Гугунава.

Климент вздохнул:

– Стихов у меня еще нет, поэтому пока выходит какой-то мечтательный ноктюрн[9]. Впрочем, сейчас это просто черновой набросок… Удивительны все-таки эти мгновения! Приходит к тебе в гости, будто свыше, нечто… Некая идея! Но чтобы ухватить ее за хвост, облечь в четкую форму, перенести на бумагу, отшлифовать и прописать все нюансы исполнения, все эти паузы, ферматы, мелизмы, трели, форшлаги и прочие художества, чтобы потом это исполнить, надо попотеть не хуже крестьянина во время пахоты, да и жатвы в придачу. Как я сочувствую композиторам – настоящим творцам прекрасного! Сочувствую и завидую. – Зорин устало откинулся в кресле и повернулся ко мне. – У вас, Алексей Петрович, бывает такое? Вы же литератор, вам это должно быть близко.

– Много раз я оказывался на вашем месте, – согласно кивнул я, – и могу сказать, что идеи не слишком-то любят бумагу. Прячутся, словно птицы от охотника, дразнятся, а в руки не идут!

Взгляд Зорина прояснился.

– О, брат мой! Я уверен, что главная тайна состоит не в том, чтобы воспроизвести для публики идею, а в том, чтобы заставить ее у вас появиться. – Певец выпрямился, и глаза его сверкнули. – Огранив и отшлифовав идею, автор делает ее доступной для всех, а до того она

---

[8] «Вдова Клико Понсарден» (*франц.* Veuve Clicquot Ponsardin) – всемирно известная французская компания по производству шампанских вин, основанная в 1772 году.

[9] Ноктюрн (от франц. nocturne – «ночной») – музыкальная пьеса (обычно инструментальная) лирического, мечтательного характера с широко развитой, певучей мелодией.

только наша. И пока мы ничего не написали, наши замыслы, проекты, мотивы принадлежат исключительно нам, причем, что немаловажно, в своем идеальном состоянии… Когда мы их запишем и опубликуем, они отразят истинный уровень нашего таланта, весьма ограниченного, вероятнее всего. А до этого они совершенны!

– Очень возможно, – снова кивнул я. – Вот только я не вполне уверен, что они полностью мои…

Климент усмехнулся и осушил бокал до дна, Гугунава щелчком пальцев приказал лакею налить нам еще коньяку.

– Я сразу распознал в вас творческого человека. – Подмигнув мне, Зорин опять принялся за выпивку.

– Для такого звания я еще ничего стоящего не написал, – возразил я.

Климент помотал головой. Он был уже изрядно пьян.

– Для этого вообще не нужно что-то п-писать. – Расправившись с бокалом, певец отставил его в сторону и не без труда поднялся на ноги. – Для этого нужно просто уметь с-слышать… И видеть. И мерить жизнь не суетными делами и расчетными книгами, а этими самыми идеями…

– Климент Васильевич, – подчеркнуто официально позвала его жена. – Можно вас побеспокоить? У меня появилось большое желание…

Гугунава вскочил с кресла.

– Я готов исполнить любое ваше желание, восхитительная Любовь Павловна! Только прикажите!

Зорина одарила молодого князя подобием улыбки.

– Послушать ваше пение… – договорила она. – Ценю, Леон Давыдович, вашу учтивость, но в этом деле мне потребна помощь именно нашего дорогого хозяина.

– Что вам угодно, с-сударыня? – Климент мотнул головой и ухватился за спинку кресла.

– Раз уж вы поднялись, мы просим вас что-нибудь исполнить для наших уважаемых гостей, – повторила Зорина.

– Я же без… Я без к-концертмейстера с-сегодня… – попробовал было возразить Клим.

– Ах, любезный мой, – нарочито захлопала в ладоши Любовь Павловна, – будто мы не знаем, что вы и сами очень достойно играете на рояле. Подыграйте себе. Только непременно что-нибудь новое… Вы мне обещали!

Остальные дамы – Лидия и купчиха Курепова – тоже зааплодировали. По лицу певца пробежала легкая судорога, но затем губы его расползлись в обаятельной улыбке:

– Если н-нашим дорогим соседям… еще не наскучил мой в-вокал…

Загремев стульями, гости принялись рассаживаться. Поймав восторженный взгляд Лидии, я расположился рядом с ней.

Зорин сел к роялю и тотчас же преобразился. Нет, он не принял некую театральную позу, что я замечал у других оперных певцов, он был совершено естественен и гармоничен. Будто стал частью музыкального инструмента, ну как подсвечник на рояле, с того самого момента, как, сев на круглый вращающийся стул, коснулся черно-белых клавиш своими длинными тонкими пальцами.

Клавиши дрогнули, и нас волной окутал мягкий, но страстный тенор:

– Не уходи, побудь со мною!
Здесь так отрадно, так светло.
Я поцелуями покрою
Уста, и очи, и чело.
Я поцелуями покрою
Уста, и очи, и чело!

Побудь со мной,
Побудь со мной!

Меня совсем не удивил выбор этого романса. Сейчас он звучал во всех гостиных Петербурга и Москвы. На исполнявшую его певицу Вяльцеву[10] народ валил толпами. Мне тоже довелось слышать, и ее исполнение было прекрасным. Особенную прелесть ему, похоже, придавали московские слухи, твердящие, будто и музыку, и слова этого романса автор, Николай Зубов[11], посвятил самой исполнительнице, которая, заметим, была помолвлена с другим…

– Не уходи, побудь со мною!
Я так давно тебя люблю!
Тебя я лаской огневою
И обожгу, и утомлю.
Побудь со мной,
Побудь со мной!

Зорин был прекрасен. Его тенор звучал проникновенно и искренне. От откровенности слов романса и количества выпитого мне, а может статься, и не только мне, показалось, что в зале возникла странная атмосфера, слишком интимная для простой встречи шапочно знакомых соседей. Пламя зажженных свечей нервно дрожало от сквозняка из распахнутого окна, и отблески света в хрустале бокалов наполняли гостиную каким-то мистическим мерцанием.

– Не уходи, побудь со мною!
Пылает страсть в моей груди!
Восторг любви нас ждет с тобою…
Не уходи! Не уходи!

Украдкой я взглянул на сидевшую рядом со мной Лидию.

Все сильнее сжимая мою руку своими прелестными миниатюрными пальцами в тонкой шелковой перчатке, она смотрела на Зорина. А тот играл и пел. Он звучал почти как лев, как глава прайда, что оглашает окрестности своим раскатистым рыком. Он пел, и всеобщие восторженные взгляды ласкали его, подтверждая его неподдельный успех.

– Побудь со мной,
Побудь со мной!

Романс кончился.

Все будто очнулись от каких-то своих глубоко интимных видений, и в зале на минуту повисла некоторая неловкость. Однако затем гости зашумели, заулыбались и зааплодировали. Снова захлопали бутылочные пробки, зазвенели бокалы, а потом мужчин позвали играть в вист, дамы же, шурша юбками, отправились пить чай, и это несуразное ощущение наконец улетучилось. Вот она, истинная сила таланта, не правда ли?

Мы с Лидией возвращались из дома Зориных по тропинке через садовую калитку. В траве стрекотали цикады, привлекая своих крылатых подруг, в кустах с упоением заливались

[10] А. Д. Вяльцева (1871–1913) – русская эстрадная певица (меццо-сопрано), исполнительница русских и цыганских романсов, артистка оперетты. Ее творчество в начале XX века снискало в России огромную популярность.

[11] Н. В. Зубов (1867 – не ранее 1908) – русский композитор, поэт-песенник. На рубеже XIX–XX веков он был чрезвычайно популярным композитором, ноты с его произведениями издавались огромными тиражами.

ночные соловьи, где-то в лесу напоследок перед ночевкой куковала кукушка, и бледные пятна цветов шиповника светились в сумерках, сгущавшихся с каждой минутой все сильнее.

– Удивительное соседство, – негромко вздохнула рядом Лидия, – я даже предположить не могла, что все будет так интересно! А ты боялся, что я тут буду сходить с ума от скуки!

Я молча пожал плечами.

– А исполнение Вяльцевой, – продолжила Лидия, – нравится мне гораздо меньше.

– Да, я тоже люблю, когда мужские романсы исполняют мужчины, – согласился я с женой. – Такое нынче случается совсем нечасто.

Мы бесшумно открыли калитку и попали в наш сад.

– А какой голос! – снова вздохнула Лидия. – Он просто пронзает насквозь! С этим человеком, наверное, бесполезно спорить, особенно женщинам. И ты заметил? – Жена заговорила шепотом, будто делясь какой-то страшной тайной. – Он явно пел в чей-то адрес, но определенно не своей жене. Во время выступления он ни разу на нее не взглянул…

– Ох уж эти женщины, – с улыбкой покачал я головой, – все-то вы замечаете! Мне кажется, он попросту был поглощен романсом. Да и сценические привычки дают о себе знать! Окружающие люди для него лишь публика, он привык одновременно смотреть на каждого и ни на кого в отдельности. Едва ли, выступая в Большом театре, он искал бы глазами в зале свою благоверную…

– Взгляни, как тут красиво, – внезапно прервала меня Лидия.

Перед нами в призрачном свете вынырнувшей из-за облака луны белел наш дом. Внизу, на первом этаже, горело окно: это, верно, Захар Афанасьевич хозяйничал, завершая обустройство. А мы вдвоем стояли под сенью низкорослых и разлапистых, изогнутых яблонь, окруженные кустами шиповника, роз и жасмина.

– А ты сомневался, что я смогу выбрать достойную усадьбу… – игриво-обидчивым тоном сказала Лидия.

– Я? Ни на йоту, – прошептал я, обнял жену и прижал спиной к своей груди.

В нашем убежище было прохладно, но это позволяло мне лишь отчетливее чувствовать жар тела Лидии. Она повела плечами, и наброшенная на них лиловая шаль скользнула вниз. Я вдыхал пьянящий аромат ее духов и густых вьющихся волос, целовал ее нежную бархатистую щеку, тонкую мочку уха, изгиб нежной шеи и кожу словно из мрамора выточенных плеч…

Лидия не спешила поворачиваться. Ей нравилось, когда я закрывал собой ее спину. «Чувствую себя защищенной», – говорила она в такие моменты, и я ее понимал. Вероятно, это чувство, как инстинкт, сохранилось с первобытных времен и сопровождает людей до сих пор: если тебе не страшно, а, напротив, уютно, когда кто-то стоит позади, значит, ты всецело доверяешь этому человеку свою жизнь. Ведь, когда соратники защищаются, они прикрывают друг друга с тыла. Если тебя любят и доверяют, тоже позволяют обнять себя со спины…

Я целовал Лидинькину шею и плечи медленно и чувственно, в который раз следуя губами по прекрасным и манящим изгибам. Она чуть вздрагивала, и пальцы ее нежно гладили мои руки, обхватившие ее за талию. Наконец она повернулась, и мне удалось поцеловать ее губы. Голова моя кружилась, в ушах звенело, и как будто все еще раздавались откуда-то звуки этого восхитительно страстного романса…

Глава III

– Что же дальше? – вывел меня из полузабытья голос судебного следователя.

Я нехотя тряхнул головой, будто не желая расставаться с приятными воспоминаниями. Нет, никаких деликатных личных подробностей я, конечно же, дознавателям не сообщил: не их ума это дело! Я вообще постарался сделать свой рассказ как можно короче и лаконичнее, но самому мне отчаянно не хотелось возвращаться к печальной и пугающей действительности…

– А что вас еще интересует? – спросил я, опускаясь в кресло напротив следователя.

Тот шагнул ко мне и понизил голос:

– Вы рассказали о завсегдатаях дома Зорина. Но… как вы думаете, у него были враги?

Я покачал головой:

– Не имею ни малейшего понятия…

– А вот ружье, что лежит там, на полу в кабинете… – Разумовский кивнул в сторону дома Зориных. – Это ведь редкая и весьма дорогая вещь!

– Я знаю.

– Вы видели ранее ее в доме погибшего?

– Видел.

– Он был заядлым охотником?

– Вовсе нет. Он совсем не умел стрелять. Он ведь только недавно купил это ружье.

– Зачем? – Следователь наконец уселся за стол и отхлебнул из своей чашки уже наверняка остывший чай.

Его взгляд перестал быть сонным. Теперь Разумовский, прищурившись, вглядывался в мое лицо, будто именно в нем он и стремился найти ответы на все свои вопросы. Я задумался:

– Зачем? Так просто, в двух словах, и не объяснишь!

– Мы готовы слушать вас столько, сколько вам это будет угодно, – заверил меня следователь и посмотрел на секретаря.

Тот с готовностью кивнул и постучал стальным пером по дну моей раскрытой серебряной чернильницы.

– Хорошо, – ответил я, хотя мне все менее нравилось то, какой оборот принимает наш разговор. – Я постараюсь вспомнить. Когда же Климент показал всем нам это ружье…

– Уж постарайтесь припомнить, ваше сиятельство, – попросил следователь, – и желательно, чтобы как можно точнее. Ваши воспоминания сейчас важны. Итак, он показал вам свое оружие. Вам – это кому?

Я собрался с мыслями:

– Соседям… Ведь поначалу мы все встречались довольно часто…

* * *

Да, Зорины еще неоднократно приглашали нас к себе. Соседство и приятельство с известными людьми творческих профессий, несомненно, привносило разнообразие в нашу дачную жизнь. В гостиной у Зориных не находилось места ординарности, унынию и чопорности,

зато всегда с лихвой хватало веселья, открытости, непосредственности, даже чудачества. Признаться, я такой душевной свободе сперва даже немного завидовал. Да, пусть круг наших компаньонов и был далек от утонченных представителей высшего света, но здесь, вдали от Петербурга, Москвы и любых наших знакомых, наверняка осудивших бы нас за подобное времяпрепровождение, мы могли оставаться самими собой.

В тот знойный безветренный вечер наше шумное дачное общество почти в полном составе, за исключением Куреповых, уехавших проведать кого-то из своих обожаемых сыновей, расположилось на поляне перед крыльцом особняка Зориных. Укрытый сенью сосны большой стол в окружении изящных белых плетеных кресел ломился под тяжестью разнообразных напитков и закусок. Разомлевший от уже выпитой наливки Климент, скинув фрак, потчевал сластями и холодным малиновым морсом Лидию, одетую в очаровательное белоснежное платье, которое мы купили как раз перед приездом. Его жена, блистая декольте своего эффектного багрового наряда, любезно предлагала мне и князю Гугунаве лучшие куски вяленой ветчины и пирога с клубникой. Полковник Гришанов устроился с удобством: ослабив верхнюю пуговицу изумрудного кителя и закинув ногу на ногу, он дымил толстой сигарой в перерывах между рассказами о прежней служилой жизни и полемикой о политике, предпринимательстве и искусстве.

Чуть позже к нашему мужскому кружку присоединился и Зорин, а дамы, усевшись в сторонке, принялись обсуждать свои женские интересы. Разговор их сразу завертелся вокруг нарядов, украшений и парфюмерии. Зорина старательно выпытывала у Лидии, где та заказывает себе головные уборы, а моя жена, гордившаяся своим безукоризненным вкусом, охотно делилась столь бесценными сведениями.

На коленях у Зориной лежала ослепительная новая сумочка. Она была сплетена из бесчисленного множества тонких серебряных колец и с одного бока украшена отлитой из серебра головой слона с большими ушами, длинным хоботом и позолоченными бивнями. По очереди извлекая из сумочки, горевшей на солнце тысячью искр, прелестные вещицы – серебряное зеркальце, золотую пудреницу, гребень, украшенный золотом и изумрудами, – хозяйка горделиво демонстрировала Лидии свое роскошное приобретение. Не мог я не заметить и плохо скрываемого восхищения, с которым моя жена поглядывала на это произведение искусства.

– Где же вы нашли такую красоту, Любовь Павловна? – спросила она.

– В Петербурге, – растянула губы в подобии улыбки Зорина. – Это из Америки. Компания «Уайтинг и Дэвис»! Согласитесь, фешенебельно?

– Да, очень элегантно!

– Последняя мода и лучший светский тон!

– А по-моему, пошлость, – подал голос Климент. – Безвкусная дорогущая сияющая чепуха! Сколько вы за нее изволили отвалить, любезная супруга?

– Лучше вам и не знать, любезный супруг, – едва повернув к мужу голову, ответила Любовь Павловна. – Поберегите сердце!

– Ох уж мне эта женская расточительность! – покачал головой Клим. Потом он подмигнул нам и с нарочитой обреченностью махнул рукой.

– Вам ли, Климент Васильевич, говорить о дорогих и бессмысленных покупках? – не осталась в долгу Зорина, все же обернувшись к мужу. – Напомнить вам хотя бы про ваш новый германский автомобиль?

– Вы и сами, ненаглядная моя, охотно катаетесь на нем по усадьбе да по окрестным дорогам, когда вам наскучивает ваш стальной костотряс «Рудж», – возразил Зорин. – Только вот двигатель завести вам не по силам: для такого дела мужчина надобен!

Зорина вспыхнула, но быстро нашлась:

– Вы, слава богу, не единственный мужчина в округе! И оставьте-ка мой бициклет в покое! А что же ваше новое ружье? Оно тоже стоит приличных денег…

Мужчины оживились.

– М-м-м, у вас и ружье имеется? – не поверил Гугунава.

– Да-с, – манерно поклонился князю Зорин, – представьте себе!

– Что за модель? – поинтересовался полковник Гришанов.

– Этот, из Бельгии… – Клим пощелкал пальцами. – Как его, черта, американца?

– «Браунинг», – обиженно обронила Зорина, откладывая сумочку в сторону. – Ну вот, начинается… Exposition universelle![12] Всемирная выставка распахивает свои двери, и в Париж ехать не надо!

– Правильно! – обрадовался Климент. – Браунинга система! «Дробометом» зовется. В торговом доме вдовы Зимина на Тверской взял. Сейчас…

Зорин встал из-за стола, шатаясь, поднялся по ступеням крыльца и скрылся в передней.

Не прошло и пяти минут, как он вернулся к нам с тяжелым ружьем в руках.

– Достойная вещица, – с одобрением крякнул Гришанов, любовно принимая от Климента вороненый дробовик с ореховым цевьем и прикладом.

Поднявшись со своего стула, Гугунава с любопытством склонился над новейшим порождением передовой оружейной мысли в руках полковника.

– Какой красавец! – Юноша даже порозовел от восхищения. – Непременно себе такой же добуду!

– Это едва ли… – с ехидством в голосе бросил князю Клим.

– Почему же? – Щеки Гугунавы запылали. – Думаете, мне это будет не по карману?

– Да. Точнее, нет. Скорее не по чину.

Гугунава подскочил на месте:

– Как прикажете вас понимать, сударь?!

Гришанов обернулся:

– Не волнуйтесь так, князь! Просто этот «Браунинг» нынче новинка и потому большая редкость.

Зорин ухмыльнулся:

– Да-с. Ни у кого тут пока нет.

Любовь Павловна с громким щелчком закрыла золотую пудреницу и спрятала ее в недра своей сумочки.

– Вы лучше спросите у Клима, сколько денег он выбросил на эту глупую игрушку!

– Полагаю, немало, – со знанием дела кивнул Гришанов, – такое оружие весьма недешево.

– Да? – переспросил Клим и махнул рукой. – Не знаю… Сотню целковых отдал. Это дорого?

Лидия вздохнула в изумлении.

– Очень! – Полковник с искрами восхищения в глазах осматривал оружие. – Но за новейшее автоматическое ружье – справедливая цена.

Зорин расплылся в улыбке:

– Ну да и бог с ним! Я как-то и не понял. Не разбираюсь! Не люблю, знаете ли, охоту, войну и оружие!

Зорина хмыкнула.

– Зачем же вы тогда его купили? – удивился я.

Зорин пожал плечами:

– А шут его знает… Просто захотел, взял да и купил. Чувство помню только занятное: хоть всю лавку скупи, а на кармане это никак не отразится.

Климент примерился взглядом к бутылке красного вина, стоявшей на столе и светившейся своим багровым нутром в лучах клонящегося к горизонту солнца.

---

[12] Exposition universelle *(франц.)* – Всемирная выставка, проводившаяся в Париже с 15 апреля по 12 ноября 1900 года.

– У меня, господа, идея. – Певец потянулся за ружьем. – Давайте разопьем вот эту посудину и устроим из нее мишень!

– Одна бутылка – это скучно, – возразил полковник, не выпуская приклад из рук.

– Вам мало выпивки?

– Мне мало мишеней. У вас какие патроны есть? С дробью?

– С дробью, – неуверенно ответил Клим.

– Двенадцатый номер?

– Кажется, двенадцатый…

– Ну а коль такой дробью палить, – Гришанов кивнул на бутылку, – то эта стекляшка – на один выстрел!

Зорин осоловело поводил взглядом по сторонам.

– Так у нас еще найдется. – Он щелкнул пальцами, призывая к себе лакея. – Милейший, поищи-ка нам всю пустую посуду, ну что за последние дни я… Ну ту, что не успели расколотить или пустить в дело на кухне! И неси, неси все это вон туда, в парк, на лужайку за старой оранжереей, где солнечные часы…

– Сию минуту-с. – Слуга поклонился и ринулся было исполнять приказание, но Клим ухватил его за рукав.

– Постой-постой! – Певец с лукавым видом огляделся и склонился к уху лакея. – Сделай-ка, брат, вот еще что…

Отдав поручение слугам захватить для нас патроны, чемоданчик с принадлежностями для стрельбы и корзинки с выпивкой и закусками, мы хмельной голосистой гурьбой отправились к оранжерее и уже через пять минут были на зеленой лужайке, освещенной золотистым вечерним солнцем. Там, среди зарослей некошеной травы, возвышался круглый замшелый каменный столб шириной с пару локтей и высотой примерно по пояс взрослому человеку. На его плоской серой вершине проглядывали высеченные резцом римские цифры и расходящиеся из центра часовые линии, а из самой середины, опираясь на изогнутую витиеватую подпорку, в лазоревое небо вонзался наклонный поржавевший стальной стержень, похожий на штык.

Климент, несший на плече все-таки отобранное у хмурившегося Гришанова ружье, а в руке – уже опустошенную зеленую винную бутылку, подошел к столбу и взглянул на циферблат.

– У нас по меньшей мере еще час до ужина, – произнес он, заметив, что острие тени, отбрасываемой стержнем-гномоном, тянется к цифре VI. – Мы успеем изрядно повеселиться.

С этими словами певец поставил бутылку на край циферблата.

– Климент Васильевич, не станете же вы портить дробью такие старинные часы! – воскликнул я.

– А почему нет? – обернувшись, пожал плечами Зорин. – Невелика ценность!

Я не нашелся, что ответить.

– А стрелять-то из этого ружья вы умеете? – покручивая тонкий ус, спросил Климента Гугунава.

Зорин не удостоил юношу ответом. Ступая по поляне негнущимися ногами, будто бы ставшими в мгновение ока деревянными, он отсчитал от часов три десятка шагов и остановился. Мы последовали за ним.

– Патроны сюда! – бросил Климент подоспевшему к нему запыхавшемуся лакею, навьюченному поклажей.

Повинуясь приказу, слуга опустил на траву одну из больших плетеных корзин, накрытых белыми салфетками.

– Ни разу, признаться, не стрелял, но в лавке мне сказали, что тут и делать нечего. – Зорин повертел ружье и рассеянно щелкнул на нем каким-то рычажком. Затем, не выпуская дробо-

вика из рук, он наклонился над корзиной и из лежавшей под салфеткой картонной коробки принялся набирать в горсть короткие тупоголовые бурые патроны с блестящими латунными донцами гильз.

– Климент Васильевич, пожалуйста, аккуратнее, – шагнул к Зорину Гришанов. – Оружие не терпит суеты.

Певец ссыпал патроны обратно в коробку и выпрямился. Еще раз окинув ружье взглядом, Климент протянул дробовик полковнику:

– Не желаете ли сами опробовать его в деле?

– Увы, рука не позволяет, – покачал седой головой Гришанов, беря «дробомет».

Покрепче ухватив сухими жесткими пальцами оружие, офицер отвел рукоятку затвора назад и заглянул в окошко, раскрывшееся в правом боку горбатой ствольной коробки:

– Только если зарядить… – Полковник снова щелкнул затвором. – Гм, Климент Васильевич, будьте любезны, подайте мне шомпол и вишер!

– Как вы сказали? – переспросил Зорин.

– Шомпол и вишер, – с улыбкой повторил за Гришановым Гугунава. – И пыж для чистки.

Зорин в недоумении оглянулся и покраснел.

– Вон там. – Полковник указал взглядом на небольшой коричневый чемоданчик, который держал в руках лакей вместе с корзинками, полными снеди.

Климент жестом приказал слуге избавиться от своей ноши и подать ему чемоданчик.

– Шомпол и… Черт! – выругался себе под нос Зорин, подняв крышку и заглядывая внутрь.

Мы с Гришановым и Гугунавой переглянулись.

– Позвольте мне вам помочь, – мягко сказал я и вынул из чемоданчика предназначенный для чистки оружия деревянный стержень с рукояткой, разобранный на три составные части. Быстро скрутив все детали воедино и навертев на конец инструмента мягкую войлочную насадку, я протянул шомпол Зорину.

– Разрешите мне? – Видя, что Климент медлит, Гугунава резво скинул на траву свой сюртук и, оставшись в жилете и сорочке, перехватил у меня шомпол.

Никто не успел возразить, как юный князь, ухватив дробовик поудобнее, ловкими привычными движениями прочистил ствол от пыли и остатков масла и, наклонившись, взял из корзины патрон.

– Тут, насколько я могу судить, все несложно, – одобрительно кивнул Гришанов. – За ручку отведите затвор назад до упора, пока он сам не остановится на взводе. В окно вставьте патрон! Да-да… Теперь пальцем левой руки нажмите нижнюю кнопку и правой придерживайте затвор, чтобы он плавно послал патрон в ствол. Так!

Все, столпившись вокруг полковника и юного князя, с любопытством следили за происходящим.

– Теперь, – наставлял Гугунаву Гришанов, – переверните ружье магазином кверху, нажимая большим пальцем левой руки на кнопку! Да-да, вот так! А сейчас отправьте в магазин еще четыре патрона…

Гугунава неторопливо, с хорошо читаемым удовольствием на лице зарядил ружье.

– Ударник взведен. Теперь снимаете оружие с предохранителя… – Полковник указал пальцем, и юноша щелкнул скрытой внутри ружья пружиной. – И, не отнимая оружие от плеча, можете выпустить все пять зарядов хоть за пару секунд, просто нажимая на крючок.

Зорина захлопала в ладоши.

– Для охоты на уток – самое дело! – Широко расставив ноги и покрепче упершись в землю, Гугунава с блеском в глазах оценивал расстояние от места, на котором мы стояли, до солнечных часов.

Мы все встали за спиной молодого человека.

– Сможете отсюда попасть? – вкрадчиво спросил Клим, приникнув к плечу юного князя, словно тоже метясь в горящую в косых вечерних лучах пузатую зеленую бутылку.

– Господа, прошу всех сделать пару шагов назад! Этот выстрел я провозглашаю в честь несравненной Любови Павловны, – ответил Гугунава и поднял ружье.

Раздался отрывистый сухой треск, будто рядом с нами кто-то с силой щелкнул плеткой. Стоявшая на часах бутылка, брызнув вокруг себя изумрудными искрами, исчезла. От нее на каменной плите циферблата осталось лишь донышко, ощетинившееся в разные стороны острыми зубцами.

В воздухе едко запахло серой.

– Браво! – воскликнула Зорина и снова зааплодировала.

Остальные подхватили: выстрел и впрямь был неплох.

– Позволите еще? – с азартом спросил Гугунава, то и дело поглядывая на актрису.

– Как вам будет угодно. – Зорин поднял из травы гильзу, выброшенную в сторону при выстреле, и принялся вертеть ее в руках.

– Чудесная игрушка! – прищурился молодой князь. – Почти никакой отдачи!

Климент приказал лакею взять из кучи принесенных корзин несколько пустых бутылок и жестом отправил его к часам. Через минуту-другую перед стрелком и зрителями встали в ряд уже три цели.

– Да отойди же ты, остолоп… – пробормотал себе под нос Гугунава и пару раз махнул рукой, приказывая слуге покинуть опасное место. Затем он снова вскинул ружье.

Защелкали выстрелы, как горохом посыпались, и снова на противоположном конце поляны полетели в разные стороны мелкие стеклянные осколки.

– Пусть вы и владеете оружием очень достойно, – не удержался от шпильки в адрес стрелка Зорин, – все же вы однажды промахнулись! Надеюсь, вы довольны?

– Лучшего ружья и желать невозможно, – пропустил мимо ушей выпад певца Гугунава и щелкнул рычажком предохранителя. – Кто-то желает сменить меня на рубеже?

Климент поморщился.

– Любезный граф, – окликнула меня Зорина, взмахнув наполненным бокалом, – вы же не откажете нам в радости полюбоваться вашей меткостью?

Я оглянулся на раскрасневшуюся Лидию, в эту минуту хихикавшую и шептавшуюся о чем-то с актрисой в нескольких шагах от нас.

– Алексей Петрович, – протянул Клим, – разве и вы предаетесь этой пошлой забаве?

– Я, увы, давно не упражнялся, – ответил я, поймав печальный взгляд Климента. От него мне, честно говоря, почему-то расхотелось сегодня стрелять.

Но Зорина была неумолима:

– Лидия Андреевна говорит, что вы очень хороший охотник… До женитьбы не раз ходили на волка, на медведя, а после свадьбы так даже… на собаку!

И обе женщины прыснули.

– Отчего бы и не пострелять? – Покраснев, я пожал плечами и принялся стягивать сюртук.

Поданное мне Гугунавой ружье и впрямь оказалось очень удобным в обращении: прекрасно уравновешенным, прикладистым, с очень слабой отдачей, с кучным и резким боем. Допустив лишь пару промахов и расправившись сразу с полудюжиной бутылок, я услышал голос Зорина.

– Будьте любезны отдать, ваше сиятельство, – буркнул мне Климент, протягивая руку к своему «Браунингу».

Отобрав у меня ружье, Зорин при помощи полковника зарядил его по новой.

– В честь моей супруги салют уже провозглашали, – обернулся он к дамам, – поэтому теперь будет справедливым приветствовать ее сиятельство графиню Реметьеву. С вашего позволения, Алексей Петрович…

Надевая сюртук, я заметил, как Лидия очаровательно покраснела.

Зорин подмигнул лакею, и тот стремглав бросился к часам с позвякивающей корзиной в руках. Достигнув цели, он принялся рядком выставлять на плоском камне позолоченный фарфоровый сервиз: блюда, супницы, кофейник, чашки…

– Климент, – послышался голос Любови Павловны, в котором чувствовались грозовые нотки, – вы с ума сошли! Это же мастерская Юсупова![13] Начало прошлого века!

– Успокойтесь, милая, – бросил ей через плечо Зорин. – Не жалейте этой рухляди! Долой мещанство!

– Что с вами, Клим? – теряя самообладание, вскрикнула актриса. – Этот сервиз я отвоевала на аукционе за баснословные деньги…

– За мои деньги, – отрезал Зорин.

Он был пьян и, как мне показалось, рассчитывал, что с ним никто не будет спорить. Однако он, похоже, не принял в расчет Гугунаву.

– Зачем вы, Климент Васильевич, обижаете вашу восхитительную супругу? – послышался баритон юного князя.

Зорин поморщился:

– Не лезьте-ка, Леон Давыдович, в мои семейные дела – вот вам мой совет!

– Оставьте-ка ваши советы при себе! – отплатил Клименту князь той же монетой. – Разве может быть семейным делом публичное и столь бесстыдное обращение с законной женой?

– Вот еще рыцарь выискался… – Зорин насмешливо посмотрел на юношу.

– Во всяком случае, с разными гнусными угнетателями я привык разделываться на месте, – покраснел Гугунава.

– Поосторожней, пожалуйста, со словами! – воскликнул с вызовом Климент и сделал нетвердый шаг в сторону князя. – У меня заряженное ружье в руках!

– Вы полагаете, что это помешает мне встать на защиту женщины? – Гугунава рванулся было певцу навстречу, но в этот миг между мужчинами встала Зорина.

– Оставьте, князь! – негромко сказала она. – Не связывайтесь! Однако благодарю вас! Я никогда не сомневалась, что вы сможете защитить ту, что будет в этом искренне нуждаться… – И она наградила Гугунаву красноречивым взглядом.

Юноша сверкнул глазами, но отступил.

– Так-то лучше! – проговорил Климент.

Он повернулся к часам и, подняв ружье, крикнул слуге:

– А ну прочь в сторону!

Зорина только покачала головой и отвернулась. Мы с Гришановым, многозначительно переглянувшись, промолчали.

Первые пять неуверенных выстрелов не нанесли сервизу ни малейшего ущерба, после перезарядки шестой лишь отколол изящную золоченую ручку чашки, стоявшей с самого края, потом еще несколько выстрелов ушли, что называется, «в молоко», зато последний заряд вдребезги разнес большую расписную супницу, стоявшую во главе этой несчастливой композиции.

Лидия ахнула.

– Ну вот, – удовлетворенно выдохнул Зорин, – враг не ушел невредимым. Вам все еще нужны остатки вашего сервиза, душа моя, или я могу продолжить?

Стоявшая к нему спиной Любовь Павловна, не оборачиваясь, натужно рассмеялась:

---

[13] В 1818 году князь Н. Б. Юсупов (1750–1831) основал в усадьбе Архангельское художественную мастерскую по росписи фарфора. Фарфоровое заведение Юсупова внесло значительный вклад в развитие русской фарфоровой промышленности.

– Как вам будет угодно! Толку-то от него теперь…

Зорин снова принялся возиться с ружьем и патронами.

Воспользовавшись моментом, Гугунава принялся развлекать дам учтивой беседой.

Ко мне подошел Гришанов:

– Вы, Алексей Петрович, очень уверенно стреляете, – одобрительно шепнул он, салютуя мне рюмкой с наливкой. – Часто охотитесь?

– До свадьбы часто доводилось, – ответил я, беря с подноса подоспевшего ко мне слуги фужер. – Мой дядька сызмальства многому учил меня. Отцу было не до воспитания, но он хотя бы позаботился о том, чтобы дать мне стоящего наставника.

Мы вдвоем отошли в сторону.

– А что это за история с собакой, над которой тут смеялась Зорина? – Полковник пригладил свои пышные седые усы.

– Вероятно, Лидия рассказала ей… Удивительно, правда, что она смеется над тем случаем.

По сухому и жилистому лицу Гришанова пробежала тень.

– Как так? – нахмурился он.

– Вскоре после нашей свадьбы в прошлом году, – улыбнулся я приятным воспоминаниям, – мы с женой отправились в Крым, а затем остановились в Одессе.

– Восхитительные места! – одобрил полковник. – Волшебный воздух, волшебные рассветы, а закаты какие!

– Всецело согласен! Так вот, мы с Лидией целыми днями бродили по пляжам, по пыльным узким улочкам… Все вокруг дышало покоем и дружелюбием. Но однажды на окраине города, спускаясь к морю там, где обычно всегда ходили толпы людей, мы наткнулись на большого всклокоченного рычащего волкодава. Совсем не дружелюбного! Он припадал к земле, подергивал лапами, едва вертел головой, а из пасти его капала пенистая слюна.

– Он явно был не рад встрече с вами, – заметил Гришанов.

– А мы – еще более! – заверил я полковника. – Но Лидия любит собак и с детства не боится их, поэтому тогда она проявила излишнюю смелость, не думая о последствиях.

– Что вы хотите этим сказать?

– Она вынырнула из-за моей спины и протянула к этому косматому чудищу руку. Хотела, понимаете ли, приласкать его! Мол, тогда он подобреет, перестанет рычать и пропустит нас домой…

– Бешеная собачка уже никого не пропустит, – с иронией в голосе продолжил мой рассказ полковник.

– Я едва успел оттолкнуть ее и закрыть собой! Иначе ходить бы моей суженой без руки до конца своих дней. И это в лучшем случае… – проговорил я, глядя, как невдалеке Зорин, расстреляв впустую весь магазин, в очередной раз заряжает свой «Браунинг».

Гришанов только хмыкнул.

– Мой дядька, – продолжил я, – когда-то объяснял мне, что следует покрепче ухватить трость или поднять с земли палку подлиннее, повернуться к собаке боком и прижать подбородок к груди, закрыв свое горло. Ни в коем случае нельзя ни поворачиваться спиной, ни бежать, но нужно, пятясь, отступать к стене, к забору или дереву, не давая подойти к себе с тыла. Я так и сделал: выхватил у Лидии ее кружевной зонтик, раскрыл его, и принялся отгонять от нас эту взбесившуюся псину, целясь ей в глаза и в нос. «Chevalier avec parapluie»[14], – подшучивала потом надо мной Лидия…

– Почему же? – Полковник почему-то вздохнул и оглянулся на мою супругу.

– Забавно, наверное, смотрелась со стороны наша схватка… – Я пожал плечами.

[14] Рыцарь с зонтиком *(франц.)*.

– А что жена?

– На жене, слава богу, ни царапины. Кажется, она даже не успела испугаться как следует. А вот мне очень повезло: так я узнал, что в Одессе уже полтора десятка лет действует прививочная пастеровская станция. Вторая в мире после парижской, между прочим! Не стану утомлять вас деталями, скажу только, что ногу мою пришлось в нескольких местах штопать хирургическими нитками. Эскулапы порядочно со мной повозились…

Гришанов лишь пожевал губами и ничего не ответил.

За нашими спинами раздались долгожданные аплодисменты: это Зорин, еще трижды зарядив ружье, разделался-таки со своей благородной старинной мишенью.

– Вот так вот, – победоносно воскликнул он, забросив дробовик на плечо и глядя на груду расписных черепков, усеявших поверхность солнечных часов и заросли травы вокруг. – Ну-ка выпивки витязю – победителю фарфоровых истуканов и мещанских предрассудков!

Клименту поднесли бокал вина. Певец салютовал им раскрасневшейся Лидии и залпом осушил сосуд до дна.

– Лидия Андреевна! – Зорин бросил пустую посудину слуге и снова схватился за приклад. – Не хотите ли… пострелять?

У Лидии загорелись глаза, но, поймав на себе мой пристальный взгляд, она потупилась:

– Я не умею…

– Какие п-пустяки! Я вас научу!

Я было шагнул вперед, но меня опередил Гугунава.

– Несомненно, Алексей Петрович лучше поможет своей супруге освоить сию премудрость: ему же больше удалась стрельба из вашей игрушки.

– Это м-моя игрушка! – Зорин сверкнул глазами. – Кому хочу, тому и д-даю! Лидия Андреевна, – понизив голос, проговорил затем певец с показной обольстительностью, – вы хотите п-попробовать?

Лидия вновь посмотрела на меня, но тут же отвернулась, дернула тонким плечиком и, махнув рукой, потянулась к прикладу:

– Пожалуй!

Зорин вручил ей заряженный дробовик и послал слугу к часам снова устанавливать мишени.

Ко мне жеманной походкой подплыла Зорина с лафитником в руке:

– Не беспокойтесь, граф! Уж на что Климент культяпый, но даже он освоил эту свою погремушку. Значит, и вам за супругу не стоит волноваться. Хотите еще вина?

– Я не очень понимаю женщин с оружием… – рассеянно ответил я Зориной, глядя, как ее муж, встав у моей жены за спиной, одной рукой держит Лидию за локоть, а другой приобнимает ее тонкий стан.

Зорина, уловив направление моего взгляда, обернулась.

– Нет-нет, Лидия Андреевна, – приговаривал заплетающимся языком Климент, поправляя ружье в руках Лидии, – левую к-кисть ставим сюда, держим вот так, снизу, п-пальчики правой – сюда, упираем приклад между шеей и плечом. – Зорин глубоко втянул в себя воздух, будто принюхиваясь. – А локоток – в-вот так… А теперь – огонь!

Немного помедлив, Лидия выстрелила и, ко всеобщему удивлению, попала прямо в стекляшку, стоявшую в самом центре мишени.

От восторга жена взвизгнула. Кинув еще дымящееся оружие в руки Клименту, она подпрыгнула на месте и захлопала в ладоши.

– Превосходно! – улыбнулся певец, едва удержав свое ружье на весу. – Вы, Лидия Андреевна, истинная амазонка! Хотите еще?

Зорина снова повернулась ко мне. Лицо ее, прикрытое широкими ажурными полями шляпки, исказила гримаса презрения.

– Это все закончится, – еле слышно, нараспев протянула актриса. – Это все скоро закончится…

– Что закончится? – не понял я.

– Эти теплые летние дни… – пропела она и, коснувшись моей руки, звонко рассмеялась.

Возвращалась наша шумная веселая компания уже на закате, когда солнечный диск наполовину скрылся за сизым силуэтом леса, тянувшегося вдоль горизонта. Вязкий воздух неохотно остывал после дневного зноя, некошеные заросли трав и цветов источали кружащие голову сладкие ароматы, а от большого пруда невдалеке веяло прохладой. Под ногами хрустели белые камешки садовой дорожки, вокруг разливались трели соловья и малиновки, а вдали, в перелеске на пути к селу, вела неумолимый подсчет чьим-то оставшимся годам кукушка.

Впереди гордо вышагивал Зорин, окруженный с двух сторон дамами и болтавший без умолку. За ними неслышно ступал насупленный и молчаливый Гугунава с дробовиком Климента на плече. Мы же с полковником Гришановым, держа в руках лафитники и увлеченно обсуждая победы и поражения на стрельбище, немного отстали от наших компаньонов.

– Интереснейшая вышла потеха, – подвел итог Гришанов, глотнув из своего бокала немного брусничного морсу. – Сам «Браунинг» хорош, и патроны, к слову, у Климента Васильевича очень достойные. Не обманули его у купца Зимина в лавке…

– Верно, – кивнул я и полез в карман. – Я даже взял гильзу в качестве образца. Надо будет себе таких же взять да вернуться к своим упражнениям в стрельбе.

Полковник бросил взгляд на бурую гильзу, которую я теперь вертел в свободной от лафитника руке.

– Вы продемонстрировали очень неплохую выучку, граф, – проговорил он. – Впрочем, каждый успел выказать себя: и Леон Давыдович, и господин Зорин…

– Жаль, любезный Иван Семенович, – перебил я его, еще не отойдя от упоения соревнованием, – что вы не присоединились к нам.

– Увы, старые раны… – горько усмехнулся мой собеседник.

Я понял, что допустил промах.

– Простите, я не хотел показаться неучтивым.

– Не беспокойтесь об этом, я уже давно привык к этой своей особенности. Привык и смирился.

– Вы воевали против турок, не так ли? – вспомнил я один из застольных рассказов полковника.

Гришанов искоса взглянул на меня:

– Я немало послужил во славу государя и державы, я много где дрался, но это… – Старик неуклюже пошевелил локтем левой руки. – Это память об одной печальной любовной истории.

– Вы начинаете свой рассказ с интриги, как опытный драматург, – улыбнулся я.

– О да, – согласился полковник. – Интриги будет предостаточно, поверьте на слово! Вы ждете моего рассказа?

Я молча кивнул.

– Что ж, – проговорил Гришанов, – вы поделились со мной своей историей, я готов ответить вам тем же…

Он сделал еще глоток, а затем, понизив голос, заговорил:

– Представьте, как было дело: некий высокопоставленный чин, генерал, состоятельный добряк, но известный сластолюбец и дамский угодник, имел головокружительный роман с одной очаровательной дамой. Дама эта была исполнена всяческих достоинств: она была юна, божественно красива… Происходя из старого уважаемого рода, она была превосходно воспитана, любезна и мила в общении! Был у дамы лишь один недостаток…

Гришанов замолчал.

– Какой же, господин полковник? – немного выждав, осведомился я.

– Сущий пустяк, – пожал плечами Гришанов и усмехнулся. – Она была замужем.

– Ах вот как, – с пониманием ответил я. – Что ж, у нас исстари это обстоятельство недостатком не считается. Скорее наоборот: пока барышня незамужняя, отец бережет ее как зеницу ока и все охочие до ее прелестей понимают, что пригляд будет очень суровым. А вот когда девушка выходит замуж, то в ее новый дом тут же набивается толпа почитателей, и проявлять бдительность приходится уже мужу.

– Увы, – Гришанов вздохнул, – такая ветреность не считается в свете чем-то неприличным. Так вот, дама эта была замужем за молодым, но уже успевшим проявить себя на службе офицером. Упомянутый мною генерал был начальником этого офицера и с некоторого времени после их свадьбы принялся всячески опекать юное семейство, заезжать в гости с гостинцами и милыми подарками юной супруге своего подчиненного и почти по-отечески участвовать в их судьбе. Его визиты как в присутствии, так и в отсутствие молодого мужа не виделись дому и обществу предосудительными. Однако эта видимость была ошибочной…

Догадавшись, что моя саркастичность была неуместной, я прикусил язык и принялся сосредоточенно цедить из своего бокала оставшуюся на дне наливку.

– Затем грянула Крымская война[15], – продолжил полковник, – и обоих офицеров отправили оборонять пылающий Севастополь. Англичане и французы тогда днями и ночами старательно обстреливали его с суши и с моря. В городе тысячи убитых и раненых, сложно с едой, водой, ядрами и порохом… Но мы стояли. Стояли и бились насмерть: на Волынском редуте, у Камчатского люнета, на батарее Жерве, у Каменной башни на Малаховом кургане и в самом, как тогда говорили, «аду» – у Второго бастиона…

Прилично отстав от остальных, мы с полковником в наползающих на усадьбу сумерках наконец подошли к дому Зориных.

Издалека мы увидели, как на крыльце Климент отобрал у Гугунавы свое ружье и под аплодисменты дам ушел внутрь. Женщины тем временем обступили юного грузинского князя, явно требуя от него развлечения. Тот, отбросив угрюмость, наигранно заулыбался и принялся вдохновенно о чем-то рассказывать. Послышалось раскатистое контральто Зориной, легкий, серебристый, несколько приторный смех Лидии, и мы с Гришановым, видя, что дамы отнюдь не скучают, остались внизу, под сосной, у стола с остатками пышного угощения.

Полковник поставил на скатерть свой пустой бокал и с видимой усталостью опустился в плетеное кресло.

– В одно туманное июльское утро, – продолжил он свой рассказ, – генерал послал своего юного подчиненного во главе небольшого отряда из солдат и унтер-офицеров на вылазку. На опасную – да бог с ним: à la guerre comme à la guerre[16], – но на очевидно провальную вылазку… Положение тогда было очень сложным, а людей крайне недоставало, и предпринимать лобовую атаку в тех условиях было самоубийственной глупостью. Но приказ, несмотря на иные, и весьма дельные, предложения других старших офицеров, не отменили. Это была заведомо провальная операция. Верная смерть. Увы, что поделать: долг есть долг!

Я остался за спиной Гришанова, затаив дыхание и рассеянно вертя в руках стреляную ружейную гильзу.

– Но молодой человек выжил… Захватчики нашли его среди мертвых тел русских и французских солдат – тяжело раненным и в беспамятстве. Потом три месяца плена. Бесконечные сто дней… А потом, после освобождения, он вернулся домой. Но лучше бы… – Голос полковника вдруг дрогнул. – Лучше бы не возвращался!

– Почему?

---

[15] Крымская война (1853–1856) – вооруженный конфликт между Российской империей с одной стороны и коалицией в составе Великобритании, Франции, Турции и Сардинского королевства – с другой. Одним из самых ярких эпизодов этой войны стала героическая оборона русскими войсками осажденного неприятелем Севастополя.

[16] На войне как на войне *(франц.)*.

Гришанов тяжело вздохнул.

– Потому что дома его не ждали, – произнес он, не поворачиваясь ко мне, будто не желая встретиться со мной взглядом. – Испуг и разочарование – вот чувства, которые прочитал он на лице своей горячо любимой жены. Жены, которой, как выяснилось, так приятна была роль вдовы… Страдалицы, заботливо опекаемой почтенным и щедрым другом семьи…

Из дома показался Зорин с семиструнной гитарой в руках. Он уселся на скамейку рядом с крыльцом и, вальяжно откинувшись на ее спинку, принялся крутить колки, настраивая свой инструмент. Дамы, до того пересмеивавшиеся с Гугунавой, мигом оставили молодого князя и перепорхнули под бок к Клименту.

– Но, быть может, она, жена, не знала, не подозревала о том, что ее муж жив? – в раздумье произнес я. – Испуг… Если видишь перед собой человека, которого считал мертвым, по которому отгоревал и которого оплакал…

– Вы полагаете? – возразил полковник, оборачиваясь и поднимая на меня внезапно покрасневшие глаза. – Думается мне, что она знала… знала или хотя бы догадывалась о намерениях своего знатного любовника. Об их романе судачил весь город! Была ли у нее возможность тому воспрепятствовать? Не берусь судить! Была ли у нее возможность не согласиться, не принять смерть мужа как должное и неизбежное, не устроиться с удобством в объятьях любодея? Как же можно! Возлюбленный супруг тысячу раз должен был умереть. Он и вправду умер в той траншее, вырытой французами на подступах к разрушенному ядрами равелину, среди полусотни храбрецов своего маленького отряда… Пятьдесят человек, пятьдесят опытных бойцов ухлопали ради бабы!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.